

Елена Ттригуб

*Долгая
дорога домой*

*или загадка древнего
дольмена*

Елена Викторовна Тригуб Долгая дорога домой. Или загадка древнего дольмена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25723292

ISBN 9785448565571

Аннотация

Елена Тригуб и ее «Долгая дорога домой» сумели вдохнуть новую жизнь в жанр российской «романтической фантастики». Ироничный и по-женски непосредственный взгляд на все, что может произойти с девушкой из Ростова, волею загадочного дольмена оказавшейся в Англии 19 века. Сумеет ли она вернуться домой? И стоит ли?

Содержание

Пролог	5
Рукопись первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Долгая дорога домой
Или загадка
древнего дольмена**

Елена Викторовна Тригуб

© Елена Викторовна Тригуб, 2017

ISBN 978-5-4485-6557-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Эд, помоги миссис Уиндсток перебраться через эти ужасные валуны!

– Давай руку, дорогая. Вот так, осторожней... нет-нет, не наступай, здесь мокро, поскользнешься!

Юная пара пробиралась через лесную чащу, раскинувшуюся в одном из графств Северной Англии и чудом сохранившую свою первозданную дикость. Огромные, кряжистые деревья заслоняли густыми кронами солнечный свет, а сумрач-

ный, влажный подлесок звенел от полчищ гнуса.

– Ох, Эд, я даже вспотела от страха. Давай найдем дорогу поудобнее!

– Кэти, нам следует держаться ручья. Иначе мы можем заблудиться.

– А я хочу заблудиться! Навсегда заблудиться в лесу с моим мужем! И чтобы никто нас не нашел! – девушка по-детски засмеялась и закружилась, раскинув руки, опьяненная счастьем первой любви.

– Глупышка! Чем же мы будем здесь питаться?

– Ягодами, орехами, грибами... А ты пойдешь на охоту и принесешь какую-нибудь дичь. Я буду ждать тебя в шалаше, варить похлебку из корней и трав...

– То есть, если я принесу окровавленного зайчика или кошку с остекленевшими глазами, ты радостно начнешь потрошить добычу?

– Фу, что ты говоришь! Как ты можешь? Бедный, бедный зайчонок! Да я разведусь с тобой в тот же день!

– Какая же ты глупышка, Кэти! – молодой супруг явно пытался казаться мудрее своей легкомысленной жены, но и у него в глазах плясало юношеское веселье.

– Не называй меня так! Обращайся, как положено: миссис Кэтрин Уиндсток. Красиво звучит, правда?

– Да. Мистер и миссис Уиндсток в лесу у ручья. Может, сфотографируемся на память? – юноша достал камеру, и влюбленные прижались друг к другу, замерев на мгнове-

ние перед бесстрастным окуляром фотоаппарата.

Щелчок.

– Ну, вот. Тебе правда нравится, как мы проводим медовый месяц? Не жалеешь о том, что мы не поехали на континент, как предлагали твои родители? – поинтересовался Эд, приобняв свою супругу.

– Эдмунд, ну зачем ты спрашиваешь? Европа и эти скучные отели... все у нас еще впереди. А вот так, как сейчас, уже не будет никогда. Да и глупо начинать путешествовать по чужим странам, не посмотрев как следует свою!

Дорога стала ровнее, и несколько минут они прошагали молча. Великаны-деревья немного расступились, открывая небольшую полянку, пеструю от осенних цветов: алая лесная герань соседствовала с лиловыми бессмертниками и снежно-белыми колокольчиками, кое-где попадались дикий шафран и фиалки.

– Я тоже доволен, что мы приняли такое решение. Здесь, на севере, все по-другому, даже воздух чище, правда? Мы обязательно должны добраться до шотландской границы и подняться в горы. Пеннины – моя мечта с самого детства. Говорят, там здорово... ты не устала?

– Немного. Думаю, через полчаса можно будет сделать привал. Термос у тебя? Я бы выпила чаю со льдом и полежала на траве. Ноги просто гудят! – пожаловалась девушка.

– Конечно, они же четыре года носили тебя только из кампуса в библиотеку, из аудитории в столовую, и все. Никакой

тренировки!

– Да. Зато теперь можно всерьез заняться спортом – знаешь, теннис или волейбол, буду кататься на велосипеде...

– Или катать в колясочке Уиндстока-младшего...

– Нет-нет, об этом слишком рано говорить! Не для того я столько училась и получала степень, чтобы... Послушай, Эд, вон там тропинка, или мне показалось? – девушка остановилась, вглядываясь в затененную чащобу.

– Похоже на то, – Эд вытянул шею, чтобы получше рассмотреть примятую полоску травы, уходящую вглубь чащи. – Странно, места глухие. Интересно, кто бы мог ее протоптать?

– Может, животные?

– Ну конечно, они же ходят в лесу исключительно по дорожкам, и вообще скоро собираются проложить асфальт, чтобы было удобнее, – юноша поправил очки, со снисходительной улыбкой взглянув на жену.

– Перестань. Сам же видишь – это тропинка. Давай посмотрим, куда она ведет?

– Нет, так мы потеряем из виду ручей и собьемся с дороги.

– Эд, где ты был, когда изобрели GPS? Так и скажи, что струсил.

Эд ничего не ответил, внимательно посмотрел на жену и сделал первый шаг.

Они двинулись вглубь леса, осторожно раздвигая кустарник, пробираясь меж переплетенных стволов орешника

и шиповника, легко перескакивая через неглубокие расщелины в земле. Густые кроны образовывали над тропинкой своеобразную крышу, через которую почти не проникал солнечный свет.

– Как здесь темно и мрачно! Эд, смотри, тут какой-то домик!

Супруги остановились, разглядывая необычное строение. Сложенное из грубо отесанных каменных плит, оно более всего напоминало маленький каменный дом без окон и дверей. Вросший в землю и зеленый от мха, он как будто устоялся на молодую пару своим единственным окном – черным круглым отверстием в стене, похожим на большое древесное дупло.

– Судя по форме, скорее скворечник... Дай фонарь, я загляну внутрь, – сказал Эд, оперевшись ладонями на стену и готовясь просунуть голову в темную дыру.

– Эд, осторожно! Вдруг там спит какой-нибудь зверь? – девушка вытащила из кармана, маленький фонарик, отдала его мужу и прикрыла ладошкой рот, моментально став похожей на испуганного ребенка.

Голова Эда тут же скрылась в темноте, а голос зазвучал глухо, как из бочки.

– Никого тут нет, пусто... Слушай, а давай заберемся и осмотрим все изнутри?

– Ну, не знаю...

Эд вынырнул и насмешливо посмотрел на жену.

– Кэти, ты что, боишься?

– Еще чего! – Кэти куснула губу – Подсади меня.

Опираясь на руки мужа, девушка осторожно забралась внутрь.

– Эй, ты как?

– Все нормально, залезай!

Эд прыгнул и огляделся.

Внутри сооружения не оказалось ничего необычного: просто каменная «коробка» – грубо сложенная и с земляным полом. В детстве Эд с братом часто играли в прятки на стройке в паре кварталов от дома – излюбленным местом для этого была кирпичная трансформаторная подстанция. Голая и пустая, изнутри она была очень похожа на их теперешнее укрытие. Разве что сейчас на стенах не было надписей, а на полу – пустых пивных бутылок, обрывков газет и сигаретных окурков.

Солнечный свет, путь которому преграждали кроны деревьев, еле-еле достигал внутренней поверхности стены напротив круглого «окна», и Эд вдруг почувствовал неприятное волнение. Он буквально физически ощутил, что сейчас в отверстии появится голова его брата, Джимми, который во все горло закричит «*наше-е-е-л!!!*»

Джим, с которым они ходили на рыбалку, играли в догонялки и смотрели «Манчестер», исчез уже почти десять лет назад. Его больше нет. Нет из-за этих чертовых прятков. Если бы... Эд сглотнул и приобнял жену за плечи: хватит на се-

годня странностей.

Через несколько мгновений, забыв свой страх, они уже рассматривали стены изнутри, освещая их фонариком.

– Смотри, какие они гладкие, прямо зеркальные! Ну, надо же! Интересно. Для чего...

– Знаешь, мне вспомнился Стоунхендж, – перебила своего мужа Кэти. – Может быть, это тоже какой-то древний алтарь или что-то подобное? Сейчас нам откроется та-а-ай-ная си-и-и-ила! – пропела девушка, закрыла глаза и закружилась, словно дервиш.

«НАШЕ-Е-Е-Л! Я НАШЕЛ ТЕБЯ!!!»

– Хватит!!! Осторожней, Кэти! Ты сбила мои очки... Помогай искать!

Молодые люди опустились на колени, шаря руками по голой земле.

– Посвети мне... да вот же они. А это что?

– Похоже на глиняную крышку... Надо ее откопать. Вдруг здесь была стоянка первых людей?

– Есть проблема. Я не догадалась прихватить с собой лопату! Чем ты собираешься копать?

Эд быстро глянул на «окно».

– Подожди, вот я вылезу и найду какую-нибудь острую палку...

– Эй, эй, не бросай меня тут одну!

– Не бойся! Я сейчас.

«ДЖИМ, ГДЕ ТЫ? Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ ИГРАТЬ, ПОЙДЕМ ДОМОЙ!»

С чувством облегчения Эд подтянулся и выбрался наружу. Несколько мгновений его шаги были слышны молодой жене, но вскоре они затихли.

– Не уходи далеко, Эд! Эд? – взволнованно крикнула она.

– Да здесь я, здесь..., – молодой человек вновь оказался на земляном полу. – Смотри, нашел плоский камень: сейчас откопаю...

Пока Эд копал, Кэти отбрасывала землю прямо руками, дрожа от нетерпения и любопытства. Постепенно показался округлый бок, скрытый рыхлой, черной почвой.

– Смотри, да это горшок! А вдруг мы нашли клад? Я помню из истории, король Джейкоб прятался от восставших где-то в этих местах, – воскликнула девушка, когда стало окончательно понятно, что именно они выкапывают.

– Сейчас, подожди... Помоги, Кэти! Стоишь, как в зрительном зале!

– Я и так уже вся грязная! Тяни его, давай-давай, сильнее...

Совместными усилиями они извлекли свою находку и очистили ее от комьев земли.

«ДЖИМ, МЫ УХОДИМ! ДЖИМ?»

– Надо выбраться отсюда и вскрыть горшок снаружи, – кинув взгляд на «окно», распрямляя спину и тяжело дыша, сказал Эд. – Здесь ничего не видно.

Он быстро подсадил жену и выкинул из «окна» горшок – крышка на нем держалась очень крепко: было не похоже, что она расколется или отлетит от падения на мягкую почву. Напоследок Эд осветил фонарем все помещение, чтобы убедиться

«ДЖИМ, ДЖИМ, ГДЕ ТЫ? ДЖИМ, ВЫХОДИ, МНЕ СТРАШНО!»

что они ничего не забыли.

Подгоняемый страхом и темнотой внутри дольмена, Эд быстро выбрался наружу.

Отойдя на несколько шагов и усевшись на траву, молодожены попытались открыть крышку, но та держалась крепко, словно приклеенная. Наконец, достав из рюкзака складной нож и провозившись минут десять, Эд сумел подцепить ее и открыть горшок.

– Эдмунд, тут только какие-то бумаги. Вот еще и еще... – Кэти выглядела разочарованной, но не расстроенной. Похоже, визит внутрь сооружения напугал ее не меньше, чем Эда и она была бы рада поскорее забыть о нем. – Сокровищ нет.

– Ну и ладно. – Эд листал бумаги, пожелтевшие от времени и покрытые ровным мелким почерком. – Давай хотя бы

прочтем – что нужно прятать в лесу, да еще и в каменной коробке?

«...ТАМ НАПИСАНО, ЭД, ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЫЙТИ ИЗ СВОЕГО УКРЫТИЯ ВСЕГО НА ПАРУ МИНУТ РАНЬШЕ. ВСЕГО НА ПАРУ МИНУТ – И, МОЖЕТ БЫТЬ, НИЧЕГО БЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ...»

Эд мотнул головой, прогоняя нарастающие страх и волнение.

– С тобой все в порядке? – спросила Кэти.

– Да, все отлично, – Эд поправил очки.

– Знаешь, по-моему, это чей-то дневник. Давай ты займешься обедом, а я прочитаю тебе вслух, хорошо?

– Почему не наоборот? Кто у нас в семье – миссис Уиндсток?

– Потому что обед может приготовить и мужчина, а читать чужие дневники – исключительно женское дело.

Рукопись первая

Здравствуй, незнакомец!

Ты, вероятно, мужчина, молодой или средних лет, в бейсболке, ветровке и джинсах, непременно синих классических джинсах, в заднем кармане которых неизменная пачка сигарет. Ты небрит, но подстрижен очень коротко. Твое лицо и руки потемнели от загара, а одежда пропахла дымом костра.

Кто ты, незнакомец? Может быть, археолог? Тогда представляю твой восторг: не каждому посчастливится найти старинную рукопись почти двухсотлетней давности.

Надеюсь, она хорошо сохранилась. Я тщательно залила смолой щель между горлышком и крышкой горшка. Деревенский гончар сказал, что глина – это материал вечности: она не ржавеет, как железо, и не гниет, как дерево.

Ремесленники вообще большие философы, особенно в нашей деревушке.

Так кто же ты? Может быть, турист из породы «диких», которые ненавидят пляж и систему all inclusive? Или путешественник, бесшабашный искатель приключений, такой же, как я, только более удачливый? Но кто бы ты ни был – умоляю: найди способ связаться с моими родителями (адрес и телефон записаны в конце, на отдельном листике) и сообщи, что их Лиза жива! Сделай это во имя всего, что тебе до-

рого на этом свете, для девушки, которая когда-то жила рядом с тобой.

Зовут меня Елизавета Бирт, мне двадцать семь лет. Родилась я в России, в городе Ростов-на-Дону, в 1983 году.

Мой дед по отцовской линии был англичанином родом из Дувра, по профессии – авиаконструктор. После войны он работал во Франции, потом его пригласили в Союз как консультанта по проектированию самолетов гражданской авиации. И представляешь, его не обвинили в шпионаже, не посадили и не расстреляли – наоборот, даже предоставили служебную квартиру и временную прописку. По окончании контракта он обратился в министерство иностранных дел с просьбой предоставить ему гражданство СССР.

Уж не знаю, почему (наверное, этот случай являлся образцово-показательным: вот, мол, приехал иностранец, понял, осознал и вместе с нами решил строить коммунизм), но гражданство ему дали. Заодно – постоянную прописку и комнату в коммуналке с пятью соседями.

Дед женился на бабушке, донской казачке из деревни Хохловка Ростовской области. Она несколько раз приезжала в гости к замужней сестре, проживающей в той же коммуналке, что и дед. Слово за слово – познакомились, погуляли, сходили несколько раз в кино, в парк, покатались на лодке. Поженились.

Я запомнила бабушку веселой, шумной, черноволосой толстушкой: вся коммуналка собиралась на кухне, чтобы по-

слушать ее песни и угоститься блинами с малиновым сиропом.

Родители считают, что я очень похожа на бабушку. У меня тоже карие глаза, длинные темные волосы, смуглая кожа, высокий рост. Стряпню я заменила спортзалом, поэтому склонность к полноте еще не приобрела.

Потом у бабушки Настасьи и дедушки Джона-Ивана родился папа. Он стал геологом и постоянно ездил в экспедиции, в одной из которых женился на маме. Это случилось в Новом Уренгое, во время разведки нефтяных месторождений. Папа рассказывал, что в той поездке условия были сложны даже для мужчин. Метели и гиблый мороз делали работу невозможной на целые недели. Приехавшие для снятия проб нефтяники не выходили из запоя, растапливая в оловянных кружках замерзший спирт – в этих местах ты или работаешь, или пьешь. Один раз буровую установку замело снегом, и геологам пришлось пригласить местных, чтобы те помогли откопать инструменты. Папа и другие мужчины трудились в поле сами, а маме поручали делать какие-то чертежи и варить обед.

– Это, Лизок, большое искусство – из перловки и тушенки готовить разнообразные и вкусные блюда, – со смехом говорил отец, – поэтому я и сделал твоей маме предложение. Та экспедиция уже заканчивалась, и я подумал: «С кем в следующую-то попадешь? А вдруг больше не доведется таких деликатесов поесть?»

Мама для вида обижалась, когда слышала эту историю, но я знаю, что в душе ей было приятно. Родители зарегистрировали брак в Новом Уренгое, скромно отпраздновали это событие с коллегами там же, в бараке. Мама по случаю свадьбы надела «красивое» темно-коричневое шерстяное платье и приготовила «особенно вкусный обед» из перловки и тушенки; папа раздобыл у местных северного омуля и строганину, развел спирт. Гуляли все ночь, пели песни, танцевали. Утром, едва – едва протрезвев, обнаружили, что кто-то попытался разобрать бурильную установку. Помешал все тот же холод и отсутствие у воров необходимых инструментов. Решили идти бить местных, но мама охладила боевой геологический пыл, указав на численное преимущество и сплоченность врагов.

Родители большую часть года проводили в экспедициях, и все мое детство прошло у бабушки с дедушкой. Особенно я любила ездить с бабушкой в деревню – обожала лежать на пригорке в густой траве и следить за проплывающими облаками; наверное, все дети это любят. Мне нравилось срывать с грядки спелые розовые помидоры; спать в сарае на сене, подстелив под себя какую-нибудь мешковину; я была без ума от маленьких желтых цыплят – особенно мне нравилось осторожно гладить их пушистые головки и ощущать под пальцами трепет крошечных сердечек.

Время шло, и в 1994 году папа открыл свою фирму – продолжил заниматься любимым делом, работая уже на себя.

Я же, постоянно общаясь с дедушкой, между делом выучила английский и французский языки: моя учительница, ни разу не слышавшая живую английскую речь, искренне пыталась убрать мой «неправильный» акцент. Пришлось познакомиться ее с дедушкой, после чего все попытки привить ростовский акцент прекратились. Вообще же школа промелькнула, как одно мгновение: дни напролет в красном уголке, любовь к физике, химии, истории, пломбир по двадцать копеек, кино и импортная «bubble gum» из Эстонии – все эти счастливейшие времена навсегда останутся в моей памяти.

От факультета романо-германской филологии меня отговорил отец:

– Лизок, – сказал он, – зачем пять лет портить произношение? Лучше иди учиться тому, что тебе на самом деле интересно. Счастливее будешь.

Папа, как всегда, оказался прав: я окончила биологический факультет Ростовского государственного университета с красным дипломом по специальности «орнитология», осталась на кафедре и еще два года трудилась над кандидатской диссертацией. Должность преподавателя, которую я заняла сразу после защиты, поначалу нравилась – но со временем на авансцену вышел мой характер: стали давить чопорно-официальные рамки профессии, да и выполнять бесчисленные поручения вчерашних учителей просто надоело. Так или иначе, но я решила бежать – и как раз кстати подвернулась вакансия орнитолога в Ленинградском зоопарке.

По рекомендации профессора Вышеславского, имевшего немалый вес в определенных кругах, мою скромную кандидатуру моментально утвердили – и я отправилась паковать чемоданы для переезда. Однушка на Гороховой в Петербурге, белые ночи, романтика, разводные мосты и фонтаны Петергофа – все это манило со страшной силой. Я едва успела поцеловать родителей и попрощаться со знакомыми: Северная Столица уже ждала меня с распростертыми объятьями.

Первое впечатление от Питера оказалось неоднозначным. В ясный, солнечный день этот город дворцового великолепия, нерушимых гранитных набережных, старинных особняков и статуй отличался как от суетной Москвы, так и от сонного, провинциального Ростова.

Город великого искусства и сумасшедших цареубийц, монументов и притаившихся под ними ядовитых болот, он был как старая аристократка, скрывающая под слоем румян и роскошных одежд свое разрушенное болезнями, дряблое тело.

Первое время мне было очень неуютно. Одета в камень Нева показалась мне чужой и холодной – совсем не такой, как привычный с детства Дон. В дождливую погоду Питер словно окутывался желто-серой завесой, его очертания становились зыбкими и расплывчатыми. Я изнемогала от духоты и влажности, с тоской вспоминая свой родной солнечный Ростов – и попутно развенчивала мифы, руша свои стереотипные представления о культурной столице: грубости, хамства и пьянства здесь было не меньше, чем в любом другом российском городе. Воровали, правда, меньше – скамейки и красивые резные урны стояли в садах и скверах нерушимо, тогда как у нас в Ростове давно бы перекочевали на дачи не в меру предприимчивых горожан.

Петербуржцы в своем большинстве показались мне замкнутыми и отстраненными. К тому же, они зачастую употребляли названия предметов и понятия, непривычные моему уху. «Поварешка» оказалась половником, а «точка» – башней, не говоря уже о классических «поребриках» и «парадных» вместо бордюров и подъездов. Были, конечно, и плюсы – например, внешний вид питерских женщин оказался максимально приближенным к европейскому: простая, удобная одежда в стиле «casual» и скромная косметика позволили мне легко вписаться в их ряды.

Место новой работы – Ленинградский зоопарк – пришлось мне по душе. Руководство заботилось о том, чтобы посетителям было интересно приходить снова и снова: детские и взрослые экскурсии, тематические дни, посвященные разным животным; проводились научные семинары, приглашенные специалисты читали лекции, организовывались конкурсы и викторины. Сказать, что дети были довольны – не сказать ничего: катания на лошадях и костюмированные конные шоу, аттракционы и пони-клуб приводили малышей в неопишуемый восторг, а возможность отпраздновать здесь собственный день рождения была мечтой всех маленьких посетителей зоопарка. Не забывали и про сотрудников: помимо приемлемой зарплаты, были бонусы – премии и бесплатное посещение бассейна.

Попав в отдел орнитологии, я получила в свое ведение порядка ста пятидесяти видов птиц. Основной моей работой

был сбор и обобщение материалов по содержанию и разведению пернатых. В феврале-марте начиналась подготовка к сезону размножения, а уже весной – в начале лета мы занимались выводением птенцов: далеко не все птицы способны высидывать их в неволе.

Я постепенно обживалась в новом, непривычном городе. Мне нравилось работать в зоопарке – он стал моим единственным другом. Единственное, чего не хватало, так это близких, хотя на жизнь я не жаловалась: денег было достаточно, да и одиночество, как правило, дело временное. Что-то мне подсказывало, что скоро все изменится – но я даже не могла представить себе, насколько сильно.

День, в который я познакомилась с Серегой Ждановым, ничем не отличался от остальных. Тесное, душное помещение за лекториумом, которое руководство отвело мне под кабинет, летом более всего походило на душегубку. Я задыхалась, проклиная питерский климат, и одновременно пыталась разобраться с ворохом проблем, оставленных мне предшественником. Помнится, я как раз расписывала диету и витамины для египетских цапель, когда в единственном узком окошке возникла взлохмаченная, темноволосая и бородатая голова.

Ярко-голубые широко распахнутые глаза уставились на меня и принялись бесцеремонно разглядывать. Меня это здорово разозлило: наша игра в гляделки продолжалась не меньше минуты. Голова ухмыльнулась.

– Ну? – не выдержала я.

– Это ты – наш новый птицевед? – игриво поинтересовался нахал на удивление глубоким, приятным голосом.

– Птицевод, – буркнула я и наклонилась к своим записям.

– Послушай, птицевод, увеличь дозу витамина Д на 1,5 единицы!

– Это еще зачем? – раздраженно рывкнула я. – Я прекрасно знаю формулу расчета! И вообще, кто ты такой?

– Твои формулы хороши для Краснодара. Или Ростова. Или... откуда ты там? А здесь солнца в два раза меньше. Поэтому будь любезна, послушай старшего товарища!

– Тоже мне, товарищ, как гусь свинье...

Но все же, на всякий случай, я решила проверить журнал учета отпуска витаминов, который вел мой предшественник. Действительно, доза этой добавки была указана выше на 1,5 единицы.

Лохматая голова с усмешкой следила за моими манипуляциями.

– Слушай, а может, ты представишься, прежде чем давать советы?

– Сейчас зайду.

Голова исчезла, и в кабинете появился персонаж на вид лет тридцати пяти-тридцати восьми, среднего роста, крепкого телосложения борца, в забавной черной футболке с надписью «кота», линялых джинсах и сандалиях на босу ногу. Он нагнулся через стол, протянул мне волосатую лапу и ослепи-

тельно, белозубо улыбнулся:

– Серега...

«Шнуров» – успела подумать я

– Жданов.

– Елизавета, – я ответила на рукопожатие, – в каком отделе трудишься?

– Я тут на полставки в ветеринарке подрабатываю. Помогаю то тут, то там. Если что-то нужно, зови. Кстати, есть хочешь? Я могу за чебуреками сбежать, тут недалеко одна бабка продает... – предложил он, не переставая сверлить меня своими голубыми глазами.

Что выражал его пристальный взгляд? Нет, не восхищение, не желание познакомиться поближе и даже не любопытство. Скорее, в нем таилось непонятное для меня удивление. Захотелось взглянуть в зеркало – может, я чем-то испачкалась?

– Извини, за чем сбежать?

– Ну, за чебуреками!

– С котятами? – ехидно осведомилась я. Да уж, такого лакомства мне еще никто не предлагал. Другие хотя бы в ресторанах приглашали.

– Не любишь котят? Правильно: в них мяса-то нету. А чебуреки – с сытыми, крупными питерскими крысами! На вкус, кстати, как крольчатина!

И тут я, вопреки собственной воле, представила жирный, лоснящийся чебурек с большими, твердыми кусками лука,

с грязно-серым мясом непонятного происхождения, издающий интенсивный запах прогорклого масла. Видимо, этот живописный образ отразился на моем лице, потому что бородач немедленно захохотал и вышел вон. С его спины на меня в упор глянула голова козла. Рогатая, с серьгой в ухе.

– Не в бровь, а в глаз! – произнесла я вслух и попыталась вернуться к работе, но нахального Серегу все никак не удавалось выкинуть из головы. Что-то в таких мужиках есть, чем-то они меня цепляли, неформальные, неформатные, свободные...

Жданов стал забегать ко мне все чаще. Слово за слово, шутка за шутку – мы подружились. Он оказался весьма эрудированным, интересным собеседником, прекрасно разобрался в своем непосредственном деле – в орнитологии – и еще в тысяче предметов и наук. Его суждения были логичны, знания – обширны, а речь исполнена тонкого, острого сарказма, который приправляет любой рассказ, если не переходит в грубость и бестактность. Серега угощал меня вкуснейшими воздушными эклерами, которые выпекал сам, часто помогал в работе. Под его руководством я быстро освоилась и стала справляться с ежедневными обязанностями, не особо напрягаясь. О себе он не распространялся, да я и не задавала прямых вопросов, заметив, что ему они почему-то неприятны.

Все психологи в один голос утверждают, что самая лучшая тема для беседы с мужчиной – это он сам. Но Жда-

нов и здесь оказался исключением. Конечно же, я постаралась навести о нем справки, собирая информацию по кусочкам, чтобы не выказать своего интереса. Мне удалось выяснить, что Сергей Николаевич Жданов – доктор наук, ученый с именем, которому предлагали кафедру в Питерском университете. Но, являясь более практиком, нежели теоретиком, он бумажной возне и преподаванию предпочитал выходы «в поле».

Сергея вел самый экстремальный образ жизни, какой только позволяла работа. Он прыгал с парашютом, летал в аэродинамической трубе, сплавлился на байдарках и плотах по горным рекам, занимался альпинизмом, дайвингом, ходил в суровые таежные походы. Видимо, адреналин был необходим этому человеку, как всем нам – кислород. Он любил приблизиться вплотную к грани, которая отделяет жизнь от небытия, ощутить ветер с ТОГО берега, на котором мы все когда-нибудь окажемся.

Не знаю точно, но думаю, что именно из-за такого образа жизни он и потерял семью – его жена подала на развод и переселилась в другой город, увезя с собой их маленькую дочь. Жданов зарекомендовал себя как веселый, энергичный, позитивный человек, но «с таракашками», как выразилась одна девчонка из вивария (отдела по выращиванию живого корма).

К примеру, ему периодически «срывало крышу»: Серега брал отпуск без содержания и на несколько месяцев уез-

жал в какую-то глушь. Что он делал там, в заповедных лесах, у холодных морей, в степях Казахстана – этого в зоопарке не знал никто. По туманным полунамекам женского персонала я догадалась, что Жданов свободен: у него нет постоянной подруги, и многие были бы рады занять это вакантное место.

Мы общались все больше, и однажды Серега позвал меня на экскурсию по Питеру. Это приглашение оказалось очень кстати: переехав, я с головой погрузилась в работу и как следует осмотреться в городе так и не успела.

В выходной день, на наше счастье оказавшийся сухим и солнечным, мы отправились бродить по интересным местам Северной столицы. Я вовремя сообразила одеться не как на свидание, а как в долгий поход: джинсы, футболка, кеды, вместо дамской сумочки – небольшой рюкзачок. Вид же моего спутника дарил глазу специфическое наслаждение: он нарядился в майку с лежащим на спине то ли пьяным, то ли обкуренным зайцем, бермуды, широкие, как шаровары гаремной наложницы, и неизменные сандалии. В Питере люди вообще одеваются более свободно, чем я ожидала – но не все, к сожалению, чувствуют границу между простотой и безвкусицей.

Для начала Серега показал мне несколько хрестоматийных экскурсионных столпов – Дворцовую площадь с атлантами, Михайловский замок с неупокоенным духом убитого царя Павла Первого и памятник Петру. Добрались и до зда-

ния Адмиралтейства; как водится, кинули монеты в живописный фонтан. По Малой Садовой вышли на Итальянскую улицу, где я с восторгом обнаружила памятник Остапу Бендеру – он сопровождал меня все детство и юность со страниц замусоленной книжки, и встретить его здесь было сродни свиданию с родным человеком.

А потом пришло время знакомства с истинным Питером, скрытым от глаз бесчисленных туристов. Мы побывали на стоянке местных байкеров, где выяснилось, что «Сергега – свой в доску»; пообедали в «Адмирале», где не требуют соблюдения дресс – кода; посидели на скамейке в обычном дворе-колодце и выпили там водки с приезжими из Финляндии.

Осматривать Казанский и Исаакиевский соборы Серегга меня не повел. – их величественные купола и колоннады и так были видны отовсюду с разнообразных ракурсов. Вместо этого мы посетили часовню Святой Ксении Блаженной на Смоленском кладбище – Жданов сказал, что это очень старая и «сильная» часовня. Действительно, в ней явно ощущалось некое Присутствие, истинная святость. Уходя, я решила обязательно вернуться в часовенку одна, без Серегги – постоять, подумать, помолиться, почувствовать.

Вечерело. На город опустились серые сумерки. Не спеша, мы бродили по освещенным улицам и проспектам, любовались фасадами старинных особняков, неоновыми витринами и знаменитыми мостами. У Академии Художеств Серегга по-

казал мне фигуры таинственных грифонов с золотыми крыльями, а потом мы побывали, по словам Жданова, «на дне» города, то есть на Сенной площади. Конечно, это уже не те трущобы, что описывал Крестовский, но все равно ощущения от этого места у меня остались не самые приятные.

Мы уже возвращались домой, на Гороховую, когда Серега кивнул в сторону старого на вид здания и загадочно произнес:

– А вот здесь скрывается знаменитая ротонда.

Я пожала плечами:

– И чем же она знаменита?

– Ты серьезно ничего не знаешь? – Жданов выглядел удивленным.

– Сережа, я же из Ростова. Эрмитаж, Невский проспект и тому подобное мы только в школе изучали. А про это здание я вообще впервые слышу. И вижу, кстати, тоже. Ну, кто в нем жил? Царедворец? Писатель? Художник?

– Долго рассказывать. Давай как-нибудь потом, – махнул он рукой.

– Хорошо. Потом – значит потом.

Мы подошли к парадному. Уже близилась ночь, я поблагодарила его за прогулку и дала понять, что уже поздно и мне пора домой, но Серега все не уходил. Стало неловко. Я опустилась на поребрик, достала сигарету, закурила. Он сел рядом.

– Лиза, пригласишь на чашку чая?

– Нет.

– Почему?

– Это было бы слишком банально.

– Кто об этом может судить?

– Я. Только я сама. Мне пока двадцать шесть, Сережа, но все это в моей жизни уже было. И никогда ничем хорошим не заканчивалось.

– А чем таким «хорошим», в твоём понимании, это должно закончиться? Свадьбой?

– Нет. Просто по утрам мне жутко неловко. Это чувство все перечеркивает. А я не хочу доставлять себе неприятных ощущений.

– Понятно.

Мы помолчали. Я поднялась – уже давно надо было уходить.

– Слушай, может, в следующие выходные рванем за город? Как насчет шашлыка в лесу?

– Я не против. Если только ты не станешь петь под гитару.

– Первый раз встречаю девушку, которая не любит песен под гитару. По-моему, это так романтично!

– Но не все умеют петь. А если это станешь делать ты, то образ окончательно сложится, и я поставлю на твой лоб клеймо.

– О, не волнуйся, я тебя еще удивлю!

На этой оптимистической ноте мы попрощались, и Серега ушел. Той ночью мне долго не удавалось уснуть.

* * *

Прошла неделя, другая. Жданов не показывался на территории зоопарка. Мобильник его все время был отключен, но мне не хотелось расспрашивать коллег об этом странном исчезновении, чтобы не давать повода для сплетен и слухов.

Потянулись унылые дни. Работа, дом, одинокие вечерние прогулки. Тоска. Я и не замечала, как Серега скрашивает мою жизнь, пока он не пропал. В какой-то момент я заволновалась: вдруг случилось что-то страшное, а мне не сообщают потому, что мы не афишировали нашу дружбу? Все эти его прыжки с парашютом, гонки... и мало ли что еще?

Я стала часто забегать в ветеринарный отдел в надежде услышать какие-нибудь вести, но не узнала ровно ничего. Зато Коля, один из ветврачей, стал обращаться ко мне игриво и фамильярно, усмотрев в моих частых визитах интерес к своей персоне. Тогда я решилась на серьезный поступок: обманом выманив начальницу отдела кадров, Ольгу Ивановну, из кабинета, нашла учетную карточку Жданова и переписала его домашний адрес.

Вечером я взяла такси и отправилась к нему. Гнала меня надежда, но не благоразумие: дверь могла открыться внезапно возвратившаяся жена или новая любовница, и в этом случае встреча завершилась бы очень неприятно. Так-то оно так, но чаще воображение рисовало мне другую картину: Серега в своей постели, больной, с переломанной ногой или реб-

рами, одинокий и никому не нужный – и тут появляюсь я: сестра-сиделка, няня, почти мама, и ухаживаю за ним.

Каждая женщина мечтает опекать заинтересовавшего ее мужчину, не правда ли?

Ответить на вопрос, сможет ли Жданов с переломанными ногами открыть мне входную дверь, я сама себе не успела – мы уже приехали. Машину я не отпустила – на всякий случай – взлетела по лестнице наверх, немного отдышалась перед массивной железной дверью, позвонила раз, другой, третий.

Тишина. Тогда пойдем другим путем.

Спустившись на улицу, я высчитала Серегины окна. Форточки плотно закрыты, шторы занавешены, цветов на подоконниках нет. Так обычно выглядят окна квартир, хозяйки которых уехали надолго. Похоже, насчет нуждающегося в помощи Жданова я ошиблась. Не в силах сдержать слез досады и разочарования, я опустила на заднее сиденье такси и попросила отвезти меня на Гороховую.

Он появился только через месяц и пять дней, когда муки неизвестности в моей душе уже сменились глухим отчаянием. Жданов шел по аллее зоопарка, заросший, темный от загара, сверкая своей ослепительной улыбкой. Страшным усилием воли я сдержала себя от неуместного проявления радости и желания повиснуть у него на шее. Нашла силы улыбнуться просто, по-дружески и спросить:

– Ну и где ты пропал? Я соскучилась без эклеров, ви-

дишь, даже похудела!

– Прости, что не позвонил. Не было возможности. Мне пришлось срочно уехать, – он обнял меня и поцеловал в висок. – Зато я привез тебе маленький подарок!

Сергея достал из пакета карманное издание стихов Омара Хайяма в богатом переплете с золотым тиснением. Между страниц, покрытых витиеватым восточным орнаментом, лежал засушенный нежный бело-сиреневый цветок с крупным соцветием, напоминающий морскую звезду.

– Это цветок эдельвейса. Я искал его специально для тебя. Он растет высоко в горах Алтая и является символом счастья и любви. Существует легенда, в которой влюбленным предстояло расстаться навсегда. Не в силах вынести разлуку, они решили погибнуть вместе и бросились вниз со скалы, слившись в последнем объятии. В их память скалы в одночасье покрылись ковром из белых эдельвейсов. – Он помолчал. – А еще говорят, что эти цветы – души погибших альпинистов.

– Спасибо. И за цветок, и за книгу. Я люблю Хайяма.

– И я. «Нас вразумить? Да легче море сжечь! Везде, где счастье – трещина и течь! Кувшин наполнен? Тронешь, и прольется. Бери пустой! Спокойнее беречь!»! – вдруг произнес Серега с надрывом и неприятной кривой усмешкой. Но это выражение лица владело им лишь несколько секунд. Тучи рассеялись, он рассмеялся и снова обнял меня за плечи.

– А что, Елизавета, ты уже забыла, что пообещала мне

выходные в лесу?

– По-моему, это не я уехала на целый месяц без предупреждения. Какие ко мне претензии? – улыбнулась я. – И вообще, почему ты привез мне подарки?

– Просто я за тобой ухаживаю. Решено. Едем в эту пятницу. С тебя – хорошее настроение и купальник. С меня – все остальное. Ну ладно, бегу работать, а то уволят! – и он быстро зашагал в сторону ветеринарки.

Я скрылась за лекториумом, постояла там, покурила. Стоило большого труда привести себя в порядок, стереть с губ счастливую улыбку, успокоиться. Интересно, что Жданов хотел сказать этим подарком, легендой, четверостишием? Почему он не нашел возможности хотя бы отправить мне смс? Может быть, все это было устроено специально, чтобы я поволновалась, поскучала? А может, он так меня соблазняет? Как бы то ни было, я была счастлива, увидев его. И спасибо Жданову за это.

Как и было условлено, в пятницу вечером мы с Серегой отправились на пикник. Я уже знала, что к отдыху такого плана он прекрасно сможет подготовиться и без моей помощи, но все равно ему удалось организовать для меня сюрприз. В конце рабочего дня я переоделась в темные джинсы, толстовку, высокие кроссовки, а купальный костюм и полотенце еще утром заняли свое место в рюкзаке.

Выйдя на Кронверкскую набережную, я сразу заметила припаркованный у остановки огромную тонированную

«Toyota Tundra». Весь кузов машины был доверху наполнен чем-то объемным, закрытым брезентом цвета хаки. За рулем улыбалась знакомая небритая физиономия, как всегда, в дурацкой футболке с Дональдом Даком на груди. Я плюхнулась на кожаное сиденье рядом с Серегой, придиричиво оглядела машину и водителя.

– Да, не ожидала, что у человека, который одевается, как ты, может быть такая классная машина!

– Ты многого обо мне не знаешь! – усмехнулся Жданов, и мы тронулись в путь.

Ехали долго, но я не следила за дорогой – утомившись за непростой день, задремала. Когда же я открыла глаза, то поразились зрелищу небывалой красоты: машина стояла на краю высокого берега, а тихая река несла свои воды – там, вдали, за горизонтом, в них погружалось багровое солнце. Полюбовавшись минуту, я вышла из автомобиля, вдохнула чистый, пряный, напоенный хвоей и травами воздух, сладко потянулась и оглянулась вокруг.

Мы остановились на небольшой поляне, которую подковой огибал густой, темный лес. С крутого берега вниз, к воде, вилась еле заметная тропинка. Пока я спала, Серега успел поставить палатку, расставил складные стол, стулья, мангал и деловито насаживал куски мяса на шампуры, слизывая брызги маринада с пальцев.

– Доброе утро, Елизавета Прекрасная! Возьми в палатке спрей от комаров, пока не превратилась в лягушку!

Близкое соседство с водой и лесом ничего хорошего в смысле насекомых не обещало, и я воспользовалась предложенным средством, заодно натянув штормовку с капюшоном, чтобы защитить шею. Вечерняя роса уже выпала, стало довольно промозгло и прохладно.

– Ничего, сейчас будет костер, согреешься! – утешил меня Серега.

– Слушай, а почему в выходной день здесь никого, кроме нас, нет? – поинтересовалась я, – ведь в таком живописном месте должно быть много отдыхающих.

– Ха! Разве я повез бы тебя туда, где полно народа? Смотреть, как люди пьют водку, с криками бросаются в реку, матерятся и врубают шансон на весь лес? Нет, это не для нас. Это место знают немногие. Да и далеко не каждый сможет сюда доехать через болото.

Я повернулась к машине и увидела, что ее колеса и черные блестящие бока покрыты отвратительной зеленоватой кашей.

– Ты что, самоубийца?! А если бы мы застряли или провалились к чертовой матери?! – заорала я.

– Да ладно, не делай это... кипятком. Я знаю, как ехать. Тем более, сейчас лето, болото слегка подсохло.

Я, проклиная себя за доверчивость, открыла рот, чтобы адресовать Жданову самые страшные проклятия, но он подошел, обнял меня и прижал к своей дональдаковской груди. Вдруг стало очень хорошо и комфортно – будто это не мало-

знакомый небритый мужик в лесу, а родная бабушка в цветастом переднике гладит и успокаивает меня. Сколько времени мы так простояли, я не знаю. Он что-то тихо нашептывал, гладил мои волосы, словно ввел меня в транс, загипнотизировал, зачаровал... В какой-то момент я осознала, что веду себя неприлично, и отодвинулась. Серега же, как ни в чём не бывало, улыбнулся и начал готовить место для костра.

Сначала он достал откуда-то из недр своей необъятной машины саперную лопатку и аккуратно снял дерн. Сложив его кубиками поодаль, он очистил траву вокруг обнаженной земли от хвои, листьев и мелких веток. В середину было водружено толстое, полусухое бревно, сверху которого было сооружено что-то вроде шалаша из более тонких палочек.

Жданов чиркнул длинной охотничьей спичкой – костер занялся мгновенно, и огонь заструился по дереву, заплясал, заалел. Нет едкого дыма, только пламя и сухое потрескивание. Неподалеку в высоком, добротном мангале уже прогорали угли для шашлыка.

– Сережа, когда ты успел нарубить дров? Неужели я так долго спала? – спросила я, придвигая свой стул к манящему теплу костра.

– Я привез угли с собой. Ведь главное – это не мясо, правда? С ним надо разделаться побыстрее. Вот если бы мы были в тайге, тогда да. А так купил мешок угля на заправке – чего проще?

«А что же тогда главное?», – подумала я и усмехнулась

вслух своим мыслям: не маленькая же, и так понятно. Но он смотрел на меня так серьезно, так по-доброму... Во всяком случае, в известных ситуациях мужчины смотрят не так. Все же интересный тип, этот Серега Жданов.

Потом мы ели вкуснейший шашлык в маринаде из майонеза, лимонного сока, луковых колец и смеси специй (я смогла распознать куркуму, шафран, соль и белый перец, остальные ингредиенты Серега не рассекретил) и пили полусухое красное. Я не знаток и не любитель вин, но это мне показалось восхитительным: тонкое, без излишней кислоты и терпкости, с приятным послевкусием, оно прекрасно дополняло мясо. Как поведал мне Жданов, это домашнее армянское вино ему подарил один старик во время последней экспедиции.

– Что ты делал в Армении? Ездил по работе? – поинтересовалась я.

Жданов замолчал.

Казалось, он вслушивается в звуки ночного леса. Я тоже прислушалась: что там, в темной чаще? Но до меня долетел лишь легкий шелест листьев на ветру, плеск воды и потрескивание сучьев костра.

Серега внимательно посмотрел на меня, словно изучая и раздумывая, стоит ли отвечать на вопрос или нет. Сейчас, когда его лицо оказалось так близко, я разглядела под двухнедельной щетиной довольно приятные черты: красиво прорисованный четкий рот, выраженный подбородок. Яркие голубые глаза, нос с горбинкой. Высокий лоб я отметила еще

раньше. Если бы его удалось побрить, постричь и нормально одеть, мог получиться очень привлекательный персонаж – отрада для женского взора.

Пока я так беззастенчиво его разглядывала, Серега явно о чем-то размышлял. Пошевелил ветки костра длинной палкой, отчего в небо взметнулся сноп алых искр. Налил нам еще по стакану вина, отхлебнул, закурил.

– Я скоро уезжаю, Лиза, – наконец, произнес он.

В моей груди что-то глухо ухнуло.

– Опять? Надолго? – удалось спросить достаточно бодрым тоном.

– Не знаю. Наверное, на несколько месяцев.

– По работе?

– И да, и нет.

Я замолчала, он тоже. На глаза набежали предательские слезы, но мне удалось сдержать их, собрав всю волю в кулак. Неужели он стал по-настоящему нужен мне, а я и не заметила? Или только так кажется из-за одиночества?

– А это, надо полагать, прощальная гастроль?

Сергей молча кивнул, глядя куда-то в сторону, глубоко затягиваясь.

Вот и все. Говорить больше не о чем. С другой стороны, какие могут быть претензии, ведь мы фактически и не встречались, только проводили вместе время как коллеги и друзья... «Наверное, едет к своей бывшей!» – мелькнула мысль. И не успела я ее до конца осознать, как рот открылся сам

собой и выпалил вопрос:

– Сережа, ты едешь к жене?

Я тут же прикусила свой болтливый язык, смутилась и, наверное, покраснела. Хорошо, что в слабом свете костра этого не было видно.

Жданов удивленно посмотрел на меня:

– С чего ты взяла? Конечно же, нет. Мы четыре года в разводе. Я думал о том, как бы половчее пригласить тебя с собой.

– Меня? Но куда? В каком качестве?

Затаившееся сердце вдруг припустило вскачь, заколотилось где-то в горле. Что это со мной, черт побери?

– Это долгая история. Я должен рассказать тебе все с самого начала. Если наберешься терпения...

– Я ближайшие два дня никуда не тороплюсь, можешь начинать.

– Подожди, сейчас подброшу дров. Костру до утра гореть.

Подкинув несколько поленьев, Серега сел рядом, накинул мне на плечи мягкий плед, закурил новую сигарету.

– Ночь-то какая, да? Тихо, ясно, звезды... до них подать рукой. Десять лет назад была такая же ночь. Я отдыхал с Полиной, своей невестой в Геленджике. Бархатный сезон, конец сентября. Банальное начало, согласен. Но зато какое будет продолжение!

Он снова криво усмехнулся, как в тот день, когда дарил мне эдельвейс; помолчал, выпил вина. Я тоже пригубила

из своего стаканчика. Неужели он будет говорить о несчастной, неоцененной любви? Только не это! Старый, как мир, скучный прием. На меня это не действует лет с восемнадцати.

– Возвращались на моей машине. Тогда у меня была «шестерка», «Жигули», подушек безопасности в которой, как ты понимаешь, не предполагалось. Солнце только зашло за горизонт, внезапно, как это всегда бывает на юге.

Помню, посмотрел на часы, чтобы прикинуть, за сколько часов мы доберемся до ближайшего населенного пункта, чтобы отдохнуть и выпить кофе. Я предпочитал ехать ночью, так быстрее, меньше поток машин. Полина в это время доела шоколадный батончик с кокосом – забыл, как называется – и спросила, куда положить обертку. Знаешь, она была такой чистюлей, такой аккуратисткой, никогда бы не выкинула мусор на дорогу.

Я не успел ей ответить. Мы въехали в какую-то туманную низину, прямо в «молоко». Водитель встречной машины – откуда она взялась на этой пустынной вечерней трассе, до сих пор не пойму – не увидел меня, я его тоже. Помню лишь свет фар за секунду до удара. Потерял сознание. Когда пришел в себя, оказался лежащим на дороге прямо перед капотом своей машины. Надо мной склонился незнакомый мужчина, который оказывал мне первую помощь – тот самый водитель. Он практически не пострадал, в отличие от меня.

– Что с девушкой? – крикнул я. – Она жива?

– Какая девушка? – удивился незнакомец, – Ты был в машине один! Когда мы столкнулись, я сразу выскочил из своей тачки и вытащил тебя. Рядом никого не было!

Я бросился к «жигуленку». Меня шатало, как пьяного, во рту полно крови, начало мутить. Открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья – никого! И главное – ремень безопасности пристегнут! Представляешь? Ну, скажи, стал бы человек в такой ситуации, выйдя из машины, пристегивать ремень обратно?

Сергея покачал головой, вздохнул.

– В общем, я звал ее пока не сорвал голос. Вокруг – «молоко»: в метре от тебя уже ничего не видно. С одной стороны – горы, с другой – низина, и на много километров вокруг ни единой души. Тот водитель – спасибо ему – не уехал, оставив меня одного. Он, конечно, не поверил, что в машине был кто-то еще, списал мою «галлюцинацию» на полученную мною травму головы, но тоже искал Полину.

Стало совсем темно, и мы вместе остались дожидаться рассвета.

Туман наконец-то рассеялся. Я осмотрел повреждения своего «жигуленка»: они были довольно серьезными, но доехать до ближайшего города я бы смог. Внутри, на пассажирском сиденье, осталась сумочка Полины, а в ней паспорт, деньги, косметичка, какая-то карманная книжка с женским романом. Но самое главное – исчезла обертка от шоколадки. Ее сложно было бы не заметить – знаешь, такая яркая, голу-

бая с белым. Утром я прочесал всю местность в радиусе километра от места аварии. Никаких следов.

Я подумал – а вдруг Поля вышла из машины в состоянии шока, поэтому и застегнула обратно ремень? Отправилась куда-то, может быть, потеряла сознание... но нет. Она как в воду канула. Ни самой Полины, ни этой чертовой обертки, что была в ее руке в момент столкновения...

Но, поднявшись немного в гору прямо напротив разбитой машины, знаешь, что я обнаружил?

Я смотрела на него во все глаза. Было очевидно, что эти воспоминания причиняют Жданову боль. Давнюю, не острую, но тянущую – так, наверное, ноет старое осколочное ранение.

– Что?

– Дольмен.

– Дольмены – это что-то вроде языческих храмов? – стыдясь своей некомпетентности, осторожно спросила я.

– Не совсем. Забравшись на гору, я увидел сооружение, внешне напоминающее собачью будку, сложенное из пяти огромных камней. Четыре образуют стены, пятый – крышу. Они очень плотно пригнаны друг к другу, в одной из стен – круглая дыра. Небольшая, но стройный человек пролезть в нее сможет. Я заглянул внутрь и поразился – только голая земля. Ни травы, ни самого чахлого кустика, представляешь?

– Ну, там темно, наверное, поэтому, – предположила я.

– Лиза, ты же биолог. Фотосинтез здесь не причем: хотя бы бледные, но там должны быть растения. Даже картошка в погребе – и та прорастает... Но тогда я об этом не думал. Просто в памяти отложился интересный факт.

Я все искал, все звал... но так и не нашел никаких следов Полины. Позже водитель отбуксировал меня в ближайший город, в больницу. Там мне помогли, и я бросился в милицию заявить о пропаже.

Это вообще отдельная история. Сначала они отказались принимать заявление на том основании, что я не родственник пропавшей. Потом объявили, что необходимо ждать три дня после исчезновения – такой, видите ли, порядок. Мне пришлось идти к начальству. Заявление, в конце концов, приняли, но знаешь, чем это кончилось? Меня обвинили в убийств! Дескать, я ее грохнул, тело спрятал, сумку с документами не выбросил по оплошности, а в милицию обратился, чтобы отвести от себя подозрения.

Меня задержали на трое суток «до выяснения обстоятельств» и все это время методично, грамотно избивали, допытываясь, куда я спрятал труп. Очень удобно – можно не бояться, что останутся следы побоев: ведь человек только что попал в аварию!

Я сжала его руку. Мне было безумно жаль Серегу, но подходящих слов не находилось.

– В конце концов, им пришлось отпустить меня. Задерживать дольше не было оснований, а в убийстве я так и не при-

знался, хотя был уже на грани. В тот момент я согласился бы с чем угодно, если бы мог как-то подтвердить свои слова. Теперь понимаю жертв инквизиции, как никто.

Молоденький опер, гнусно улыбаясь, отдал мне документы со словами:

– Свободен. Нет тела – нет дела.

Жданов замолчал.

– В общем, Полину менты не нашли. Наверное, даже не искали. Я расклеивал по всему городу ее фотографии, давал объявления в газеты и на телевидение – все напрасно. Прошло немало времени, и я уже начал понимать бесполезность своих усилий. Пристегнутый ремень безопасности, пропавшая обертка от шоколада, забытая на сиденье сумка – все свидетельствовало только об одном.

– О чем, Сережа?

– Она вовсе не выходила из машины. Даже не расстегивала ремня.

– Как это?

И тут я впервые по-настоящему испугалась. В душу закрался холодок: а вдруг он действительно убил свою невесту, спрятал труп где-то в горах и придумал всю эту историю? А теперь привез в это безлюдное место меня... С другой стороны, гораздо проще было бы в этом случае действительно выбросить сумку, всем объяснить, что произошла ссора, а Полина уехала в неизвестном направлении. Подавать заявление о розыске, да еще платить за то, чтобы его приняли –

слишком изощренный вариант для убийцы. Хотя...

– Есть одна версия... В общем, я вернулся домой и еще долго ждал вестей от Поли. Конечно же, безрезультатно. Прошло время. Говорят, оно лечит.

Потом я встретил Юлю. Вскоре она забеременела, нам пришлось пожениться. Родилась дочка, Ксюшка. Знаешь, жили мы как-то странно, каждый сам по себе. Юля была великой тусовщицей. Любила бывать в компаниях, клубах, устраивать праздники, весело проводить время. Я не считаю, что это плохо, просто мы оказались очень разными людьми. Ее материальные потребности всё росли, а мои скромные возможности – по пословице – явно за ними не успевали. Пришлось принять участие в нескольких не особо законных операциях, связанных с большим риском, однако, заработок того стоил... Ну, это не интересно.

К тому же, не помогло: всегда находился кто-то, у кого лучше шуба, машина, квартира. Я стал проводить много времени в командировках – решил изучать дольмены. Практически не бывал дома. В какой-то момент мы оба поняли, что слишком поторопились с заключением брака. Короче говоря, расстались. Юля вышла замуж за более состоятельного, молодого и веселого человека, уехала в другой город и забрала с собой дочь. Я очень редко ее вижу. Ксюшка растет без меня.

– Ты не любил жену? – тихо спросила я.

– Наверное, нет. Это была короткая страсть, которой хва-

тило только на продолжение рода. По-настоящему я любил Полину. Во всяком случае, не успел в ней разочароваться. Все мы склонны идеализировать прошлое, не так ли?

– Как ты думаешь, твоя невеста жива?

– Надеюсь, что да, где бы она ни была.

Он опять помолчал.

– Так вот, я заинтересовался дольменами. Стал собирать о них всю информацию, от легенд и преданий до серьезных научных исследований. Познакомился с некоторыми весьма интересными людьми, нашел единомышленников. На данный момент установлено, что дольмены – это мегалитические памятники, то есть сооружения из огромных монолитных камней. Появились они на территории западного Кавказа, Армении, Англии, Шотландии, Уэльса и Франции в одно время – в период между шестым и четвертым тысячелетием до нашей эры. Есть они и в других странах – в Португалии, Германии, Испании, Палестине. Считается, что первые дольмены появились в Индии. Потом строительство распространилось, с одной стороны, на Кавказ и по северной Европе, с другой стороны, на север Африки, в Египет. Удивительно, но наши предки возводили их тысячами.

– Между шестым и четвертым... Конец неолита – начало бронзы?

– Совершенно верно. К этому периоду относят и знаменитый Стоунхендж, и Менгиры западной Франции, и Сейды, Камни Силы, в Финляндии, Швеции, Норвегии, на Кольском

полуострове, на Куршской косе.

– О, я много слышала об этом месте! Там были песчаные дюны, которые после Первой мировой войны засадили крымскими соснами. Там же «птичий мост» и орнитологическая станция «Фрингила», где занимаются кольцеванием.

– Да, я однажды там работал. Интересное место, многое узнал про него. Примерно в десятом веке, там жили викинги, а в восемнадцатом косой завладел Тевтонский орден. Они назвали косу «страной гнезд» – там проходит миграционный путь тысяч птиц, пролетающих из Финляндии, Карелии и Прибалтики в южную Европу и Африку, стаи там отдыхают и набираются сил. Представь – многие гнездятся только на косе! Это вообще очень интересно...

– И там тоже есть дольмены? – перебила я его.

– Не знаю наверняка, но вроде бы нет. Зато есть сейды, «Камни Силы». Это немного другие сооружения, крайне неустойчивые, шаткие. Они похожи на пирамидку из гальки, которую построил на морском берегу ребенок. Чуть тронь – и все рассыплется.

– А для чего возводили эти камни и дольмены?

– Ученые пока так и не поняли. Одни считают, что дольмены – это могильники, другие называют их некими культовыми сооружениями, третьи уверены, что это алтари или жертвенники друидов. Кельтское, вернее, бретонское название – «*tol men*» – переводится как «каменный стол». Действительно, на верхних плитах, образующих крышу соору-

жения, есть углубления типа чаши. Можно предположить, что в нее стекала кровь жертвы. Но я думаю, все это чушь. Дольмены были нужны для другого.

– Для чего же?

– А ты постарайся поставить себя на мое место, попробуй рассуждать, как я. Теперь, зная про Полину, что первым приходит в голову?

– Хм. Неужели она распалась на атомы, как в «Лангольерах» у Кинга?

Сергея поморщился:

– Нет, не то... Тебе надо дать больше информации. – Он на минуту задумался – Вот смотри. Всего я видел, наверное, около пятнадцати дольменов. Все они состояли из пяти хорошо подогнанных друг к другу шершавых, необработанных плит, толщина которых около тридцати сантиметров, поперечные размеры – от полутора до двух метров. Некоторые плиты снаружи были покрыты орнаментом, внутри – гладкие, будто полированные, иногда немного изогнутые.

В фасадной части каждого дольмена – отверстие порядка полуметра в диаметре, и только рядом с одним из них лежала каменная пробка. Материал, из которого строили подобные сооружения, почти всегда – кварцевый песчаник. Кварц – это окись кремния, имеющая свои разновидности. Этот минерал обладает очень необычными свойствами.

– В радиотехнике его используют – это я знаю. А почему?

– Он может генерировать электрический ток при сжатии,

а также поддерживать постоянство колебаний, этим он и ценен. Слышала когда-нибудь о пьезоэффекте?

– Да, по физике у меня была пятерка. Так... сейчас... от него создается электрическое напряжение между поверхностями твердых тел, да?

– Ну, примерно так. Приятно поговорить с образованным человеком. Так вот, из кварцитов изготавливают пьезоэлектрические стабилизаторы частоты, резонаторы, фильтры, призмы для спектрографов, линзы для ультрафиолетовой оптики и еще много разных полезных штук. Мой хороший знакомый рассказал мне и о других забавных особенностях этого минерала. Под воздействием электрического тока кристаллы кварца генерируют ультразвук, то есть возникает обратный пьезоэффект. А при механических деформациях кварц способен генерировать радиоволны.

Разломы земной коры, вблизи которых расположены дольмены – это волноводы. Сами мегалиты могут выполнять функцию как приемников, так и излучателей. Активизируясь, дольмены выдают акустический и световой эффекты, основанные на резонансе и пьезоэффекте кварцитов. Это происходит в дни весеннего и осеннего равноденствия. Дольмены и Камни Силы начинают «петь» в ультразвуковом диапазоне переменной частоты.

Коган, мой друг, считает, что любые мегалиты – это своеобразные генераторы инфразвука, если говорить понятным языком. Они очень плохо влияют на человека и любой дру-

гой биологический организм – доказано, что животные обходят такие места стороной. Да и людям следовало бы делать то же самое, потому что есть мнение, что при длительном воздействии на организм подобных излучений могут возникнуть эпилептические припадки и даже наступить смерть.

– Ого. Правда?

– На себе пока не проверял. – Он мрачно улыбнулся. – Но все еще впереди. Помимо общности конструкции и материала, знаешь, что их всех объединяет?

– Без понятия.

– Все дольмены обращены фасадом к солнечной стороне. Если мегалит стоит в сильно затененной местности, среди высоких гор или в темном лесу с густым подлеском, то его фасад обращен к любому ярко освещенному пятну.

– - И что это значит? Их строители поклонялись солнцу?

– Вот ты и начала рассуждать так же, как я! Мы знаем, что дольмены родом из Индии. Единственные известные мне солнцепоклонники – это езиды, в настоящее время живущие на территории Турции, Ирака и Армении. Они родом из древней Индии, точнее, из Бомбея, который сейчас называется Мумбаи. Езиды поклоняются божеству Малаки-Тавуз, изображаемого в виде павлина. Множество павлиньих глаз на хвосте птицы символизируют солнце. Их религия называется Шарфаддинэ. Забавно, но езиды до сих пор сохранили кастовость, как это было принято в Индии.

Пришло время блеснуть эрудированностью еще раз.

– Это я знаю. Но, разве они родом не из Персии? Я всегда считала, что езиды имеют некое отношение к зороастрийскому учению. Где-то читала, что на сегодняшний день больше всего их в Ираке. Там, в Лалеше, находится главная езидская святыня – гробница основателя и реформатора их религии шейха Ади ибн-Музаффара, который жил в одиннадцатом веке. Туда они совершают паломничества, как мусульмане – в Мекку.

Сергея с уважением посмотрел на меня.

– Возможно. Таких подробностей я не слышал. Но что касается зороастризма, ты высказываешь ошибочное мнение курдов, их извечных противников.

– А солнцу поклонялись почти все язычники: и инки, и египтяне, и древние славяне, и кельтские племена. Почему же ты подозреваешь езидов?

– Я никого не подозреваю, Боже упаси. Просто мне кажется, что Знания, пока недоступные нам, зародились в Индии, и были сохранены и реализованы народом, который мигрировал оттуда. Поклонение солнцу – это лишь мое предположение. Просто наука точно установила, что солнце способно активизировать некие процессы на молекулярном и атомном уровне.

Да и вообще, в целом, это очень интересно. Что знали древние? Почему они возводили мегалиты именно на местах разломов земной коры, по побережью или высоко в горах, но не в глубине континента? Почему обращали фасад к сол-

вечной стороне? Я хочу узнать ответы на эти вопросы – и посвятил их поиску свою жизнь, Лиза. Если тебе все это тоже интересно, приглашаю вступить в наш клуб.

– А что существует такой клуб? Который изучает дольмены? – удивилась я.

– Вроде того. Пока он небольшой: твой покорный слуга, доктор Коган – мой хороший знакомый, о котором я уже говорил, Евсеев Алексей, тоже мой приятель. Он историк, изучает слияние индийской «Рагведы» и нашего славянского эпоса. Особенно силён в чувашской и удмурдской мифологиях, это его хобби. В общем, если тебе интересно, присоединяйся.

– Атос, Портос, Арамис и... д, Артаньян! – улыбнулась я. – Интересно, конечно. Но, наверное, у твоих коллег есть основания вплотную интересоваться дольменами?

– В отличие от тебя, да? Согласен. Миша изучает их давно, он начал гораздо раньше меня. А Лешу именно я сманил и смутил рассказами об индийском влиянии на наше «дольменостроение». Вскоре он заболел этим и сам. Я подумал, такой девушке, как ты, умной, любознательной, не страдающей шопинг-манией и жеманством, все это может быть интересно. Ты любишь работать «в поле», я это заметил, не обременена семьей, детьми, можешь добиться поставленной цели.

– Поэтому ты меня приглашаешь?

– Не только поэтому. Просто ты мне очень нравишься.

Вот оно что! Наконец он в этом признался.

Я смутилась и покраснела до самых корней волос. Конечно, мне было безумно интересно все, что рассказывал Серега, я и не смела надеяться на то, что меня допустят до этих тайн. Но, когда он сам позвал меня за собой, почему-то захотелось поломаться. Это, наверное, неистребимая черта женской натуры – заставить себя просить о том, чего самой хочется больше всего на свете.

– Ну, что, ты согласна? – спросил Серега, заглядывая мне в глаза. Было видно, что он волнуется.

– Да, – без лишних эмоций ответила я. – А как же птицы? А зоопарк?

– Не волнуйся. Я организовал свою работу по принципу «2 в 1» – стараюсь выбивать командировки в такие местности, где есть дольмены или сейды. Вот, например, ближайшая поездка на Куршскую косу – это мой тщательно разработанный план. И ты поедешь со мной.

– Как? Меня никто не отпустит! Я даже отпуск еще не заработала!

– Не волнуйся, я все устрою – получишь направление на «Фрингилу», займемся кольцеванием.

Я пожалала плечами. Почему бы и нет? Возможность поработать на известнейшей в Европе орнитологической станции возникает не каждый день.

Костер догорал – за беседой мы не заметили, как пролетело время. В лесу стало тихо-тихо. Я встала, прошлась к бе-

регу, полюбовалась на сияние воды в лунном свете. В голове мелькали образы, события, факты – все вперемешку.

Да, рассказ Жданова о дольменах действительно привлекал – как и возможность быть с ним рядом, чего уж греха таить. Но, все-таки, что случилось с невестой Сереги? История загадочная, да еще и без единой зацепки... Может, он все-таки что-то скрывает? Может весь этот разговор про дольмены – не более чем красивая легенда и «замануха» для меня? Я решила узнать ответ на этот вопрос, во что бы то ни стало.

Постояв еще пару минут, я подошла к Сереге, который задумчиво смотрел на тлеющие угли костра.

– Сережа, ты считаешь, что Полина каким-то образом испытала на себе действие дольмена?

– Безусловно. У тебя уже появились другие версии, кроме «Лангольеров»?

Я покачала головой. Наверное, все же я не такая сообразительная, как показалось Жданову.

– Хорошо. Тогда я расскажу тебе о старике, который делает такое замечательное вино. Ты не устала?

– Конечно же, нет, продолжай, – я уселась рядом.

– Хорошо. Так вот: через четыре года после исчезновения Полины меня направили в командировку в Армению. Предстояло работать с группой Ереванских орнитологов. Занимались мы серыми журавлями. Кстати, у них журавль – это национальный символ.

– В горах? А не у воды? Это что-то новое!

– Разве высоко не может быть воды? А ты знаешь, орнитолог, что недавно, на территории Армении, рядом с турецкой и грузинской границей, обнаружили новый вид журавля? Прикинь, пока найдены всего две пары – у них гнезда располагались на небольших болотах, в двух километрах над уровнем моря.

– Ух ты! Нет, ничего не слышала об этом! А чем они отличаются?

– У них нет красной «короны», зато есть яркое белое пятно за глазом. Причем как у взрослых особей, так и у птенцов. Самку поймали на гнезде, окольцевали и взяли у нее образцы крови для проведения генетических анализов, потому что было неизвестно, новый ли это вид или просто подвид... В общем, ехал я туда с тайной надеждой встретить этих птиц. Ты же понимаешь, новая крупная птица в наше время – это вообще сенсация! Правда, сейчас уже известно, что это всего лишь подвид, и назван он «журавль Арчибальда».

– О, Сергей, да ты честолюбив, как я погляжу!

– Есть такое, конечно. Приятно быть первым, ну хоть в чем-нибудь. Так вот, мы с ереванским коллегой отправились в путь. С нами поехала женщина – фотограф. Мне, например, ее услуги были не нужны, потому что есть и умение, и аппаратура, все свое ношу с собой. У меня классная камера, снимаю птичек издалека на большом зуме, все в порядке. Но Мелкон зачем-то потащил эту тетку с собой. Подозреваю, что она была его любовницей.

Я тактично промолчала.

– Мы ехали к озеру Арпи, примерно 2 километра над уровнем моря. Там осталось всего несколько пар серых журавлей.

– Где конкретно находится это озеро? Я в Армении не была, слышала только о Севане.

– Это на северо-западе, где берет начало главная река Ширака – Ахурян. У ее истоков – слегка заболоченные равнинные пространства, покрытые заливными лугами, пара вулканических гряд. Красота – ты не представляешь, да и место для птиц идеальное: каждую весну Арпи широко разливается и заболачивает берега, появляется много насекомых и, соответственно, птиц, которые ими кормятся.

Дорогу к озеру мы выбрали сложную, через каменистую гряду, спускающуюся к Ширакской равнине. Там, на юге, река образует глубокий каменный канал из красно- черной туфовой лавы. По берегам – каменистая степь, ни души, разве что несколько аулов пастухов.

Ехали мы долго. Всех порядком растрясло по дороге, и эта женщина – по-моему, ее звали Тамара – начала ныть и жаловаться. Языка я не знаю, но и так было понятно, что эта фотолобительница распекает Мелкона, моего коллегу, на все корки. Добравшись до ближайшего более-менее крупного селения, мы устроили Тамару с относительным комфортом, а сами отправились осмотреться и побродить по окрестностям.

Мелкон пошел в степь, а я поднялся по сухому щебнистому склону вверх. Первое, что поразило – сколько красивых и полезных растений может расти в таком суровом месте. А второе – догадываешься, что?

– Дольмен?

– Именно. Он стоял на достаточно ровной площадке в зарослях каких-то колючек. Небольшой, но построенный в точности по известной схеме. Каменная пробка, когда-то закупоривающая его отверстие, валялась рядом. Я обошел его, внимательно осмотрел со всех сторон. Как и в прошлый раз, заглянул внутрь. Но здесь меня уже ожидал сюрприз.

На земляном полу стояли две глиняные мисочки: одна с молоком, другая с кашей или крупой. Сначала я подумал, что здесь поселилось какое-то животное, которое взяли подкармливать местные жители, но потом вспомнил, что обычно зверье обходит дольмены стороной. Не обнаружив больше ничего необычного, я вернулся в аул – темнело, а ночью находиться в горах опасно.

После ужина я разговорился со стариком, хозяином дома, в котором мы оставили Тамару. Он плохо говорил по-русски, а к услугам Мелкона как переводчика прибегать не хотелось. Я многого не понял из речи старика, но главную мысль все же уловил. Вираб – так его звали – сказал, что кто-то из деревни видел меня на склонах и попросил не приближаться к «дому карлика».

Сначала я не понял, что он имеет в виду дольмен. Выяс-

нилось, что и в Армении, и в Адыгее их называют именно так. Есть и другие имена – «сырпун» или «ирпун». Вираб сказал, что в «доме карлика» спит злой дух Шивин, но иногда он просыпается и ворует людей – за восемьдесят шесть лет жизни Вираба в районе дольмена исчезли без следа пятеро пастухов.

Я, в свою очередь, рассказал ему историю Полины. Старик не удивился, лишь еще раз предостерег меня. Оказалось, что он и другие пожилые жители аула периодически носят в «дом карлика» угощение, чтобы задобрить духа, обитающего в нем. Возможно, я невольно усмехнулся в ответ или как-то по-другому выразил недоверие, и Вираб добавил то, что, видимо, не собирался рассказывать.

За год до нашего появления в районе дольмена пропал приезжий – наверное, тоже какой-то ученый. На вид ему было 35—40 лет. Из столицы выслали поисковую бригаду, обшарили горы, искали с самолета – все напрасно. Никаких следов. Но через несколько месяцев, когда все поиски прекратились, он вернулся. Седым, глубоким стариком. Он шел по аулу в какой-то невиданной местными одежде, кричал, смеялся, размахивал руками. Горцы сочли его помешанным и попытались задержать. Тогда этот несчастный побежал от них прочь и со смехом сорвался со скалы в пропасть. Погиб, конечно. Узнать у него ничего не успели, да и вряд ли смогли бы, судя по его состоянию.

– Неужели это портал? Временные дыры?

Жданов немного помолчал, потом как-то неуверенно кивнул.

– Нельзя отрицать этого. Ведь нет других объяснений тому факту, что приезжий постарел лет на пятьдесят. Другой вопрос – где он провел эти несколько месяцев, как ему удалось вернуться? Я очень хочу получить ответы, Лиза. Когда-то дольмен сломал мою жизнь и, возможно, сделал из меня такого Серегу Жданова, которого ты знаешь. А еще он сломал жизнь девушки, которую я любил. И я хочу отомстить. Я собираюсь узнать всё, раскрыть все тайны и донести их до людей.

– Сережа, а может, ты надеешься... вернуть Полину? – робко спросила я. Жданов лишь покачал головой.

– Я надеюсь, Лиза, что она жива, где бы ни находилась. Но разум подсказывает, что это не так. Она была хрупкой, беззащитной, безвольной. Женщина-дитя. Легкокрылая птичка королек, которая готовилась перелететь из родительского гнездышка в моё. Любая буря безжалостно смяла бы эти тонкие косточки и развеяла по свету перья. Нет, я не верю. Но узнать правду – хочу.

– Вы еще долго жили в этом ауле?

– Нет, наутро мы двинулись дальше к озеру – заниматься тем, для чего приехали. На прощанье Вираб подарил мне бочонок того самого вина – кстати, мы с тобой выпили добрую половину.

Я совершенно не ощущала опьянения – видимо, рассказы

Серёги не давали мне расслабиться – но вдруг почувствовала внезапно накотившую смертельную усталость. Неудивительно: приближалось утро. Лес вокруг из черного стал превращаться в серый и с каждой минутой становился все светлее.

– Давай-ка ложиться спать, – предложил Серёга, – завтра, вернее, уже сегодня, у нас много дел.

– Каких это дел? Я приехала сюда отдохнуть! – притворно возмутилась я.

– Разных и интересных: купаться, загорать, ловить рыбу, варить уху. Все это потребует сил. Поэтому – шагом марш в палатку!

Я не стала заставлять долго себя упрашивать. Сняла штормовку, штаны, забралась в спальный мешок и сразу же провалилась в сон.

* * *

Какое удивительное вино делает старый горец! Я проснулась свежая, отдохнувшая и без малейших следов похмелья.

Солнце поднялось уже высоко. На все голоса распевали птицы, стрекотали кузнечики; все вокруг жужжало, звенело, радовалось новому ясному дню. В нашем маленьком лагере всю кипела работа: Серёга уже встал и готовил завтрак. Он выстругал две рогатины, переключину, на вчерашнем пепелище развел огонь, подвесил котелок. Запах вареного кофе с ванилью и корицей плыл во все стороны – словно мы нахо-

дились не посреди леса, а в кафе на Елисейских полях.

На раскладном столике уже красовались зеленые салатные листья (и как это они не завяли за ночь?), ломтики брынзы, лепешки, помидоры черри, нарезка из сырокопченой колбасы и плитка горького шоколада – очень приятное дополнение к кофе. На свежем воздухе аппетит разыгрался мгновенно: я быстро умылась прохладной речной водой, расчесала волосы и набросилась на еду.

После завтрака Серега ушел в лес «побродить», а я надела купальник и расположилась на надувном матрасе с журналом. Но жизнеописание Одри Хепберн, звезды культовых «Завтрака у Тиффани» и «Как украсть миллион» – неважная замена той истории, которую прошлой ночью рассказал мне Жданов.

Я отложила журнал в сторону и задумалась.

Сколько вокруг нас неизвестного, непознанного... Тайны и загадки, безграничные возможности, удивительные приключения! Но все это – только для посвященных.

Серега, несомненно, был одним из них – а я? Не жалею ли я о своем согласии ввязаться во все это?

Хороший вопрос.

Я оказалась в одном шаге от необычной, наполненной новизной и – не исключено, что риском – жизни, и могу пройти мимо, вернувшись в унылую череду тянущихся друг за другом дней. При этой мысли мое сердце затопила волна нежности к Жданову: отметил меня, счел достойной своего главно-

го секрета, пригласил разделить с ним труд и возможную славу первооткрывателя. Вместе – теперь я уже в этом не сомневалась – нам предстояло дать ответ на одну из самых древних загадок человечества.

Вот уж действительно – задача мирового масштаба. Что говорит Сфинкс человечеству? «Разгадай меня, или сожру». Дольмены – молчат.

Поток мыслей понес меня дальше. Что же на самом деле случилось с ученым, который вернулся в аул глубоким стариком? Если версия о временной дыре (допустим) верна, то он мог попасть в какое-то другое измерение, где действуют иные физические законы, и время течет значительно быстрее, чем наше – по крайней мере, об этом говорит научная фантастика.

Если честно, ее я не очень люблю: исключение составляют лишь классики уровня Бредбери. Но еще больше не люблю фэнтези – все эти мечи, гоблины, эльфы и волшебники кочуют из одной книги в другую, напоминая поношенный реквизит провинциального театра. До сих пор не понимаю, зачем взрослые люди читают сказки?

Может быть, мечтают хоть на время сбежать от действительности? В сказках нет кризисов и дефолтов, очередей и пробок, хронических болезней и хронического безденежья. Там вы не встретите ворчливых жен и пьющих мужей, там не стоит квартирный вопрос, у главного героя никто не требует взятку. Дороги там, в целом, хорошие, а дура-

ков немного – да и те, на самом деле, мудрецы и философы. А главное – добро и зло там носят гипертрофированный характер; они Абсолютны, и поэтому так легко отличимы друг от друга. Остается лишь сделать выбор. А в реальном мире...

Вот, например, взять Серегу: брак «по залету» – это хороший или дурной поступок? С одной стороны, бросать беременную девушку или заставлять ее избавиться от ребенка – это подло, жестоко, ужасно. С другой – жить с ней под одной крышей, как с посторонней, ежедневно тяготиться ею, раздражаться, скандалить, уходить из дома, заводить интрижку на стороне... И все это под девизом «во имя ребенка» – как расценить такую жизнь? Рано или поздно она закончится разводом, это же очевидно!

Но, наверное, еще страшнее, если родители «по залету» все же проживут вместе до старости, нелюбящие, нелюбимые, и кто-нибудь из них в сердцах бросит в лицо дочери или сына: «Я загубил из-за тебя свою молодость, карьеру, всю жизнь, а ты...!» Не дай Бог услышать такое.

Нет в нашем мире ни зла, ни добра. Есть только ряд поступков и событий, которые влекут те или иные последствия. Реальность многогранна. Начинай ткать полотно, и увидишь, что сошьет тебе из него жизнь: бальное платье, телогрейку или саван.

– Спишь, Елизавета Прекрасная? – знакомый голос выдернул меня из томного полусна: на поляне появился Жданов с целой охапкой каких-то трав. – А тебе говорили, что

ты похожа на английскую актрису Кейт Уинслет?

Я потерла рукой глаза и улыбнулась.

– Ту, что снималась в «Титанике»? Нет, впервые слышу. По-моему, мне придется очень долго и плотно кушать, чтобы достичь заметного сходства!

– Правда, – засмеялся Серега, – обещаю тебя хорошо кормить. Мне нравится эта леда.

– Что это? – я кивнула на принесенный гербарий, – Будешь варить зелье?

– Конечно! Приворотное. – Серега игриво посмотрел на меня. – Называется «Лесной чай». Спорим, ты такой никогда не пила?

– Я действительно не пила. Но вот если вспомнить Мерестьева...

– Он заваривал брусничные листья. Их я, кстати, тоже принес. И много чего другого. А вот этой травкой, – мой ботаник с наслаждением понюхал невзрачный бледный пучок – мы нафаршируем рыбу.

– Не заметила ни одной рыбы в машине, – засмеялась я.

– В машине ее и нет – я сейчас пойду и наловлю! – самоуверенно заявил Жданов, доставая из своей Тойоты удочку и снасти.

Не знаю, на что он ловил – может, припрятал за пазухой горсть червяков или опарышей. Но через пару часов рыба действительно появилась: Жданов пришел с ведром, полным маленьких рыбешек. Быстро почистив улов, он немедленно

пустил его на уху – а параллельно в термосе заварил лесной чай. Самую большую рыбу мы нафаршировали той самой бледной травой со специями и запекли в фольге на углях.

Это был лучший обед всей моей жизни.

– Лиза!

– Мм?

– Тебе нравится, как мы проводим время?

– Спрашиваешь! Таких классных выходных у меня не было много лет!

– Я заслужил поцелуй?

«Ага, вот оно, начинается! – торжествующе подумала я. – Сейчас Серега будет доказывать, что он – всего лишь мужчина, а не волшебный джинн, угадывающий и исполняющий любое желание». В этот момент затрещал его мобильник. Ну, надо же, как неудачно!

– Алло? Слушаю! Здравствуй, Миша. Спасибо, отлично, я потом тебя познакомлю... Что? Когда? Хорошо, спасибо, что предупредил. Немедленно выезжаю! Да-да, завтра же!

Жданов сунул в карман телефон, повернулся ко мне. Он мгновенно преобразился: глаза горели, ноздри раздувались:

– Лиза, представляешь, звонил Коган. Он сейчас работает под Калининградом. Говорит, на Куршской косе активизировался Камень Силы – среди тамошних сейдов он самый крупный. Мишка считает, повлияла повышенная солнечная активность. Надо немедленно ехать! Может быть, мы еще

успеем зафиксировать какие-то изменения!

– Как ехать? Уже? А зоопарк? – заволновалась я.

– Решим. Пока возьмешь больничный, а через несколько дней я организую тебе вызов на «Фрингилу».

– Сережа, ты забыл? Ведь сегодня выходной, знакомых врачей-мошенников в Питере у меня нет!

– Хорошо. В понедельник позвонишь начальнику, скажешь, что заболела. Справку напишет моя одноклассница, она работает в травматологии. Устроит перелом ребра или, например, руки?

– Типун тебе на язык! Может, лучше отпуск без содержания?

– Нет, на твое блатное место сразу найдется немало желающих. Расслабься, я все возьму на себя. А пока давай собираться, выходные кончились.

Мы быстро прибрали за собой полянку, уложили обратно вырезанный дерн, покидали в машину свой скарб и двинулись в обратный путь. Пропетляв по узкой лесной дорожке, пробравшись через поросшие осокой заболоченные низины, Тойота, наконец, выбралась на трассу. Я расслабилась, откинулась на сиденье.

– Устраивайся поудобнее, Лиз, путь не близкий. Километров 150 придется отмахать! – бросил мне Серега.

– О, как далеко мы забрались, надо же! Неужели в пятницу я так долго спала в машине?

– Как сурок.

Несколько минут я любовалась проплывающими мимо пейзажами.

– Сережа, расскажи что-нибудь еще о дольменах. Похоже, ты меня заразил своей страстью – сгораю от нетерпения их увидеть.

Жданов улыбнулся:

– Как скажете. Слышала ли ты что-нибудь интересное о той ротонде, про которую я тебе говорил? Ту, что на углу набережной Фонтанки и Гороховой улицы?

– Нет. А должна была?

– Обязана. Вспоминай – старое зеленоватое здание по правую сторону от Адмиралтейства. Восьмиколонный портик, белые пилястры, внутри есть беседка с площадкой...

– А, вспомнила! С виду ничего особенного.

– Я тогда пообещал рассказать о ней позже. Ехать нам долго – а ты уже морально готова выслушать меня без скепсиса и усмешек.

– Думаешь, тогда я бы стала смеяться?

– Уверен. Или сочла меня психом.

– Но почему? Ведь ты меня совсем не знаешь! – возмутилась я.

– Поверь, я знаю людей. Ты – человек, следовательно, я тебя знаю. Если, конечно, сбросить со счетов одно венгерское сочинение от 1783 года.

– Не дави интеллектом! Я тоже изучала Сократа. А что это за сочинение?

– Ну... научный труд одного христианского автора... Дословно наизусть не помню, но смысл примерно такой: «Не над людьми властвовать сотворил Господь человека, сказавши: владычествуй над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И далее говорит закон здравого ума, что Женщина должна подлежать владычеству Мужчины, ибо естественное неразумие ее требует человеческого управления, подобно лошади, в сбруе нуждающейся; так что в момент сотворения Творец причислил Женщину к животным; откуда и следует, что Женщины не люди... Перелистав все Святое Писание, мы нигде не найдем такого места, где бы Женщина была названа человеком. Но во многих местах сказано, что назначена она человеку в помощники. Но молоток, данный кузнецу в помощь, сам разве кузнец? Перо, врученное сочинителю, само-то ведь не пишет? Или ножницы, без которых не обходится портной, разве сами шьют? Так и женщина тоже помощь человеку, но сама не человек, хотя бы потому, что бог создал по своему образу и подобию только мужчину. В женщине присутствуют почти все животные качества и по своим природным склонностям она, следовательно, стоит ближе к миру животному, чем миру человеческому. По спесивости своей она – павлин, по ворчливости – медведь, по скупости – волчица, по изворотливости – лиса, по завистливости – собака, по злости – змея, по болтливости – сорока, по формам – сирена, увлекающая мужчин

на их погибель».

Я открыла рот, задыхаясь от возмущения, но так и не нашла подходящего по количеству яда ответа.

Сергея довольно засмеялся.

– Я в свое время выучил этот трактат и посвятил его бывшей жене. Знаешь, сколько фужеров разбила она, целясь мне в голову!

– Да я тебя вообще убила бы на ее месте! Рассказывай про ротонду, шовинист!

– Хорошо. Так вот, как ты правильно заметила, с фасада особняк ничем не выделяется. Но если зайти в него через скверик и двор с Гороховой улицы, можно оказаться внутри классической ротонды.

Это круглое помещение, увенчанное куполом с изображением змеи и надписью «Забудь надежды, всяк сюда входящий», с шестью не прислоненными к стене, а отдельно стоящими колоннами. Представляешь, беседка в подъезде! Из нее в обе стороны заворачиваются вверх две чугунные лестницы. Поднимешься по ним – выйдешь на довольно симпатичную площадку, с расписанными под настоящую беседку стенами. Непонятно предназначение небольшой лестницы, отходящей от основной влево. Она ни к чему не ведет, а заканчивается очень маленькой площадкой. Может быть, раньше там была дверь. Говорят, что если правильно сесть на этом тупике, то можно увидеть тень от седьмой колонны, тогда как их всего шесть. А знаешь, какие акустические эф-

фекты присущи ротонде? Если встать у противоположных стен и сказать что-то шепотом, то второй человек услышит все дословно, будто он сам это сказал. Это действительно так, я сам проверял.

Особняк построили в екатерининские времена, примерно в тысяча семьсот восьмидесятых годах, хотя в другом источнике указан год постройки – 1820. Как видишь, разница почти в сорок лет! В каталогах он значится как «дом Евментьева» или «дом Яковлева» по фамилиям бывших владельцев. А в конце XVIII – начале XIX веков, говорят, здание принадлежало графу Андрею Зубову, известному масону, и именно в нем, в подвальном помещении ротонды, и посвящали в ложу «вольных каменщиков».

Есть еще более таинственная версия: якобы особняк предназначался для сатанинского храма. Там своеобразный узор решеток – пентаграммы, знак Бафомета – перевернутую тремя лучами вниз пятиконечную звезду, главный символ сатанистов. Потом в этом здании располагался публичный дом – вот это уже похоже на правду, учитывая репутацию самой Сенной площади. Еще говорят, будто в начале двадцатого века в том самом подъезде с ротондой жил «святой черт» Распутин. В общем, легенд и фольклора вокруг крутится достаточно. Хочешь, еще расскажу?

– Конечно!

– Ну вот, например: считается, что если подниматься по винтовой лестнице ротонды с закрытыми глазами, нико-

гда не дойдешь до конца. Или – ровно в полночь на верхней площадке можно встретить самого Сатану и попросить его выполнить заветное желание.

– А душу-то при этом надо продавать или он работает безвозмездно? – улыбнулась я.

– Про это никаких инструкций не написано. Но молодая дворянка Кондратьева, жившая в конце сороковых годов XIX века, по секрету проболталась подружкам, что вызывала Сатану и просила его наказать неверного возлюбленного. Утром ее любовник был найден в своей постели мертвым. Как тебе?

– Наверное, отравила его из ревности, а потом свалила все на черта! – прокомментировала я. – Интересно, а когда стали проводить вскрытие и исследовать останки на предмет яда?

– Ну, допустим. Слушай дальше: однажды ночью железный люк, расположенный прямо посередине ротонды, сам по себе раскололся пентаграммой. В это время там тусовались андерграундные ребята, которые после клялись, что видели внезапно возникшее из трещины красноватое свечение!

– А сколько перед этим они приняли на душу населения, неизвестно?

– ... а еще утверждают, что тот, кто переночует в ротонде или спустится в ее подвал, сойдет с ума.

Я скептически усмехнулась. Жданов продолжил.

– В Петербурге всего шесть ротонд, которые находят-

ся внутри зданий. Пять из них образуют правильный пятиугольник. Ротонда на Гороховой – самая главная, центральная, ключевая. У нее есть и другое название – «Центр мироздания». Говорят, что святые люди знали это место издревле, и поэтому, еще до возведения ротонды, на Сенной площади, на средства известного мецената Саввы Яковлева была построена Спасо-Сенновская церковь. Она должна была стражем, охранять город от выхода темных сил.

– Зачем? Ротонды же еще не было?

– Верно. Но место-то было! Пятиглавый храм с колокольней, отделанный позолотой, медью и инкрустацией на самом деле помогал горожанам. Во время войны и блокады горожане приходили в церковь и молили Бога о победе. Немецкие бомбардировщики пытались, но не смогли уничтожить это строение, словно что-то намеренно отводило снаряды от его стен. Храм в 60-е взорвали строители, прокладывавшие метро: теперь это станция «Площадь мира». Вот так – больше никому было охранять темные врата. А в 1999-ом году козырёк вестибюля обвалился, похоронив под своими обломками несколько человек. Словно это месть за поругание святыни и предупреждение свыше.

Жданов немного помолчал. Я тоже не нарушала тишины, обдумывая услышанное. Потом спросила:

– Сережа, но это же городские легенды. Я думаю, о каждом мало-мальски известном месте можно услышать что-то подобное, разве нет?

– А ты слышала? Лично я – нет. Да и самое интересное еще впереди.

– После Бафомета я ничему не удивлюсь.

– И правильно. Так вот, утверждают, будто ротонда обладает особыми физическими свойствами, и что через нее можно выйти в иное измерение. Ходят слухи, что несколько лет назад один парень зашел в подвал, пробыл там 15 минут и вышел стариком 80-ти лет. О случившемся с ним он никому не рассказал, так как сошёл с ума. Эта история тебе ничего не напоминает?

– Ученый в Армении?

– Да. А еще под лестницей была маленькая дверца, ведущая в крошечный чуланчик. По утверждениям очевидцев, войдя в нее, можно переместиться во времени. Туда тоже заходили молодые парни, а возвращались постаревшими и сумасшедшими. Упоминают даже конкретное лицо – студента экономического факультета университета Сушкова, который, несмотря на уговоры своих товарищей, тусивших в ротонде, остался там до полуночи. Хотел встретиться кое с кем и поклянчить денег. Больше его никто не видел. Теперь дверь в чулан замуровали.

Кроме того, из этого здания до Витебского вокзала проложен подземный ход. Кем и с какой целью он был создан – не знаю. Сейчас на подъезде с ротондой установлен кодовый замок, и попасть в него стало проблематично.

– Ну, прямо мистика.

– Согласен. Как и ты, я всего этого не слышал – сам родом не из Питера. Да и мистикой никогда не увлекался. Но однажды, мы здорово разругались с Юлькой (тогда еще жили вместе), и я вышел на Сенную – пройтись, остудить горячую голову. Присел на поребрик, закурил, посмотрел в небо. Вижу, летит стая птиц, каких именно – уже не помню за давностью. Вектор движения – с севера на юг: они должны были пролететь прямо над зданием с ротондой. Но за десяток метров вся стая, словно по команде, огибает это место по широкой дуге и летит дальше в заданном направлении. Я удивился, но тогда не придал этому особенного значения.

Через несколько дней картина повторилась – но на этот раз удивили обычные питерские вороны. Стая единым фронтом обогнула пространство над ротондой и унеслась прочь на поля – наверное, подъедать остатки убранного урожая. Знаешь, это выглядело так, словно над зданием стоит невидимая колонна.

Тогда я понял, что птицы ощущают нечто, недоступное человеку – пошел в университетскую библиотеку и вычитал там всю эту чушь о ротонде, которую сейчас пересказал тебе. Наверное, просто страшилки – не более того.

Но удалось мне отыскать и более значимую информацию. Например, я изучил историю Сенной площади – это очень плохое в энергетическом смысле место. Кстати, как тебе там живется? Кошмары, головные боли не мучают? Депрессия и суицидальные мысли не беспокоят?

– Слава Богу, пока нет. Я ведь редко сижу дома. А что, советуешь переехать?

– Было бы полезно. «Плохим» это место считалось еще при Анне Иоанновне: в 1736 году в самом центре города, неподалеку от современной Дворцовой площади, сгорел рынок, называемый Морским. Власти решили перенести рынок от центра города – издали приказ о вырубке леса, росшего к югу от Большой Першпективы, то есть от Невского проспекта. Его пересекала тропа, в настоящее время – Садовая улица.

Этот лес имел дурную славу. В нем находили прибежище преступники всех мастей, каторжники, грабители и убийцы. Устраивать облавы среди уродливых кривых деревьев было бессмысленно – городские заведомо оказывались в проигрышном положении. Обычные же люди боялись этого места как огня, пользуясь тропой только в исключительных случаях. По свидетельствам, в нем не водились животные и птицы, только бесчисленные полчища змей шуршали в листве. Говорят, подобными свойствами обладал и лес, росший на месте нынешнего Обводного канала.

– А наука? Чем объясняется это явление?

– Точно не известно. Питер ведь всегда был своеобразным городом – как-никак, он построен на гиблых болотах, на костях собственных строителей. Обосновывают по-разному: дескать, есть под ним сеть разломов, все это влияет на человека энергетически, а деревья особенно сильно чувствуют

все это – эманации боли, страха, агрессии. В те времена считалось, что в лесу водится нечисть, и сам Сатана укрывает людей с темными помыслами и кровью на руках – да и сколько народу погибло на этих вырубках. Говорили, что стволы, вопреки всем законам физики, падали в обратную наклонную сторону, давя рабочих целыми группами, сучья выбивали им глаза, безжалостно жалили змеи. В тишине леса многие сходили с ума и бросались на товарищей с топорами.

– А потом все закончилось? Когда лес вырубил?

– Поначалу, наверное – хотя устранили только следствие, а не причину. На месте леса разбили торговую площадь, продавали сено, дрова, солому, рыбу и мясо, ягоды и овощи, яйца и масло. Перед Благовещением на Сенной рынок шли за живыми птичками, чтобы выпустить их у храма, перед Троицей покупали саженцы деревьев, кустарников, цветы. Но со временем стало ясно, что площадь все равно получила по наследству зловещие свойства того места, на котором была разбита.

Ее стали называть «чревом Петербурга»: сюда стекались нечистоты общества – воры, беглые каторжники, нищие, проститутки, игроки и пьяницы, отребье всех мастей. Рынок оброс трущобами, в которых калечили маленьких детей, чтобы просить на них милостыню, продавали молоденьких девиц на панель, пили, дрались, грабили и убивали. И все это на фоне страшного зловония, крыс, грязи и заразы: здесь начался «холерный бунт», когда разъяренная толпа убивала

врачей и сестер милосердия – прошел слух, что заболевшим дают не лекарства, а отраву.

Я обдумывала услышанное.

– Страшные истории ты рассказываешь. Прямо мороз по коже...

– Да. И все это – правда. Сама можешь убедиться, если пороешься в архивах. До сих пор, если хочешь, чтобы тебя обокрали, развели на деньги, всучили какую-нибудь дрянь в десять раз дороже, чем она реально стоит – милости просим на Сенную! Многие здесь испытывают безотчетный страх, тоску, головные боли, дурноту, возникает желание убежать. Людей мучает бессонница либо одолевают жуткие кошмары, они впадают в депрессию. Поэтому и считалось, что площадь находится под покровительством Сатаны, а центром исхода черных сил является, как раз, здание с ротондой.

– Если честно, я ничего такого не заметила. Может быть, я не настолько давно в городе...

– Именно! И я сам решил проверить все это, – перебил меня Жданов – кстати, забыл тебе рассказать еще об одном поверье: если взять земли с могилы Святой Ксении Блаженной и постоянно носить ее с собой, то ничего плохого с тобой не случится. Оберег. Причем, говорят, что когда юродивая умерла, люди растащили всю землю с ее могилы, представляешь? И только потом над нею возвели часовню, в которой хранятся мощи.

– И ты достал эту землю? – спросила я, вспомнив необык-

новенное спокойствие, которое я испытала во время посещения святыни.

– Ты что. Нет, конечно. Но зато я постоял рядом с мощами со свечой, и унес с собой огарок, который храню до сих пор.

– Помогает?

– Не знаю. Наверное. Во всяком случае, в тот раз в ротонде со мной ничего страшного не произошло. Вечером, в районе восьми часов, я болтался у ворот сквера и разговорился с бабулей – жительницей нужного мне подъезда. Она впустила меня внутрь.

– Ты, конечно, подробно опросил ее? – заинтересовалась я.

– А то! Бабка долго и нудно жаловалась на «хулиганов», которые шумят и пьют в подъезде, а по ночам расписывают стены. А еще на то, что в доме у всехдохнут кошки и собаки.

– Какие еще хулиганы, ведь ты говорил, что подъезд закрыт на кодовый замок!

– Я тоже удивился. Подумал, что бабуля впала в маразм, и живет воспоминаниями двадцатилетней давности, когда в ротонде действительно собирались неформалы и рисовали везде разные сатанинские знаки. В общем, не стал ей особенно доверять, решил все проверить сам.

Зашел.

Знаешь, с первого взгляда стало ясно, что это сооружение было выстроено для каких-то больших собраний людей. Лестницы выются через все три этажа, круглый центр выло-

жен мрамором, колонны... все очень красиво. Стены действительно исписаны вдоль и поперек. Кто это все делает – не знаю. Бабуля некоторое время следила за мной, наверное, подозревала в чем-то, но потом скрылась в квартире.

Я решил начать по порядку и стал проверять все известные легенды: поднялся по лестнице с закрытыми глазами, успешно дошел до верхней площадки. Правда, возникло некое ощущение бесконечности – но, в целом, ничего из ряда вон выходящего. Обшарил место, где скрывалась замурованная дверь в чуланчик. Ничего. Убедился в странных акустических эффектах: если стоять у стены и произнести что-то вслух, звук как бы «облетает» круглое помещение изнутри и возвращается к тебе. Тень от седьмой колонны тоже увидеть не удалось – наверное, я просто не знал, где надо сесть.

В общем, я посмеялся над своей легковерностью и впечатлительностью, и собрался уходить, как вдруг услышал звуки флейты. Внезапно навалилось какое-то тягучее состояние – знаешь, как бывает во сне, когда хочешь раскрыть глаза, но не можешь?

Музыка была печальной, но очень красивой и рождала странные образы. Мне представилась сельская усадьба, старый яблоневый сад, в котором играли два мальчика в соломенных шляпах и матросских костюмчиках – явно не наши времена. Я клянусь, что собственными ушами слышал детские голоса и веселый смех!

На лестнице у входа в дом улыбалась молодая темноволо-

сая женщина, одетая в длинное розовое старомодное платье. Она поманила меня рукой. Музыка стала звучать чуть громче. Почему-то мне представилось, что эта усадьба – мой дом, а женщина и дети – моя семья. Я шагнул им навстречу... и в этот момент открылась дверь подъезда, зашел очередной жилец, окинул меня подозрительным взглядом. Звуки флейты мгновенно стихли, наваждение рассеялось. Я обнаружил себя стоящим на самом краю площадки второго этажа и тут же буквально выскочил из подъезда.

– Что это было, как ты думаешь? – спросила я, пытаюсь разглядеть мурашки на руках.

– Может быть, галлюцинация. Может проекция каких-то образов из прошлого; приоткрытая дверь в параллельные миры... Не знаю. Но скорее всего, что-то хотело, чтобы я упал и разбился. Ведь это место покровительствует только темным людям.

– А ты белый и пушистый? – недоверчиво хмыкнула я.

– Я разный. Как хамелеон. Меняю окраску сообразно случаю!

Я хотела остановиться на его словах поподробнее, но мы уже подъехали к городу. Загородные пейзажи сменились желтоватой питерской панорамой, и через двадцать минут я уже была дома, в однокомнатной квартирке на Гороховой – в непосредственной близости от особняка с ротондой.

Весь следующий день прошел в лихорадке сборов.

Я придирчиво отбирала одежду, которой предназначалось не только согреть, но и украшать меня во время поездки на Куршскую косу, бегала по магазинам и аптекам, а заодно прикупила новые духи и комплект дорожущего парижского белья.

Не могу сказать, что уже тогда я воспылала страстью к Сереге – это случилось несколько позже. Но вступить с ним в определенные отношения я собиралась всерьез. До нашей встречи я, как натура скорее романтическая, нежели прагматичная, «искала любви, да не нашла». Эти поиски оставили достаточно шрамов на сердце, так что однажды я решила закрыть его раз и навсегда. С тех пор я допускала только два вида контактов с мужским полом: либо приятельские отношения, либо легкий постельный роман без взаимных обязательств, не затрагивающий ни сердца, ни разума.

Серега был интересен мне и как личность, и как мужчина. Он не просто сумел вызвать к себе интерес, но и поставил передо мной новые цели, расширил привычные горизонты. Роман с ним обещал подарить яркие и волнующие впечатления – из тех, что будет приятно вспомнить в старости. Вот сижу я, убеленная сединами, согбенная старушка, вяжу носок, ем размоченную в молоке булку, шамкаю беззубым

ртом. В мыслях кружатся осенние листья – воспоминания. Прилетит один, ляжет на ладонь, а на нем надпись: «Необычный парень Серега Жданов. Улётный секс в дольмене». Приятно же? Конечно. Так что парижское белье мне обязательно пригодится.

Как и следовало ожидать, выехать на Куршскую косу мы смогли только через неделю. «Липовый» больничный не понадобился – мне был оформлен официальный вызов на «Фрингилу». У ряда пернатых выявили вирус H5N1 – «птичий грипп»: забили тревогу из-за того, что близился сезонный перелет птиц, которые могли принести к нам штаммы из Европы. Потребовалось привлечение дополнительных сил, и Жданов в очередной раз доказал мне, что для него невозможное – это лишь трудно осуществимое. Он, уладив все формальности с начальством зоопарка, положил мне на стол вызов, удостоверение работника экстренной группы ОСФ и пропуск на территорию заповедника.

Не могу сказать, что коллеги провожали меня теплыми, дружественными взглядами.

Все было готово к отъезду: вещи уложены, за квартиру заплачено вперед, письмо родителям написано и отправлено (личным компьютером и Интернетом я еще не обзавелась). Серега приобрел билеты на самолет, на рейс «Санкт-Петербург – Калининград», вылет в семь часов завтрашнего дня. Мы решили отметить начало поездки, устроив романтический ужин в ресторане – мне захотелось поразить Ждано-

ва не только «блеском ума», которым он так восхищался, но и привлекательной внешностью.

Проведя целый день в салоне красоты, я не узнала себя: кто эта роковая красавица с такой безупречно гладкой, смуглой кожей, черными бровями вразлет, темными глазами, опущенными бархатными ресницами, пухлыми (благодаря инъекции гиалуроновой кислоты, сознаюсь) розовыми губами?

Для вечера я надела тонкое, шелковое, жемчужно-серое платье-футляр, бордовые босоножки на шпильках, прихватила сумочку – клатч в тон к обуви, на шею повесила нитку красных кораллов. Уложила волосы крупными, блестящими локонами, окуталась облаком легких, свежих духов с цитрусовыми нотками. Под платьем притаилось парижское белье – так, на всякий случай. Оглядев себя со всех сторон, я осталась довольна увиденным: глаза горят, щеки пламенеют смуглым румянцем, грудь вздымается – короче говоря, Жданова ожидает приятный сюрприз.

Впрочем, как оказалось, его тоже посетила идея преображения. Выйдя в назначенный час из дома, я стала оглядываться в поисках знакомой нелепой футболки, не обратив внимания на импозантного мужчину в светлом льняном костюме свободного покроя, дорогой обуви и часах «Longines». Им оказался Серега с зачесанными назад, гладкими волосами, ухоженной «трехдневной» щетиной, рядом с респектабельным «Ауди А3».

Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга, потом расхохотались: надо же, как сходятся мысли у некоторых людей!

Мы отправились на Мытнинскую набережную, на корабль-ресторан «Летучий голландец» – вот где истинная ярмарка тщеславия! Из трех видовых ресторанов, расположенных на корабле, Серега посоветовал выбрать «Террасу» как лучший образец европейской кухни. Я не возражала.

Это было уютное помещение в классическом интерьере с огромным камином в центре. Бежевые тона, много красного дерева, темного стекла; картины в тяжелых золоченых рамах, полированные поверхности. Приглушенный свет ламп в красноватых абажурах, живая инструментальная музыка. Мы устроились за столиком у окна, чтобы любоваться темными водами Невы, стрелкой Васильевского острова, видами Эрмитажа и Петропавловской крепости – и предались чревоугодию. Устрицы «жилардо», обжаренные на гриле лобстеры с пряными травами, виноградные улитки в чесночном соусе, телятина фламбе с грецкими орехами и полусухое «Бордо» урожая 95 года тому способствовали вполне. Я была шокирована широтой размаха – такой ужин стоил целое состояние.

На сладкое как раз подали запеченные в коньяке бананы, когда Серега достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бархатную коробочку темно-синего цвета и протянул ее мне.

– Что это? – мелькнула мысль, что в коробке кольцо, за которым последует предложение руки и сердца, а я не смогу его принять; Жданов обидится, наши отношения сойдут на нет, и опять я останусь одна в этом городе...

– Не стоит так трепетать! – насмешливо произнес Серега, который явно прочел мои мысли. – Это всего лишь маленький подарок в честь нашего нового совместного проекта. А ты что подумала?

Вот теперь я точно залилась румянцем до самых ушей – и чтобы скрыть смущение и легкое разочарование (а почему бы и не замуж?), я поспешно открыла коробку. Внутри оказался небольшой медальон в виде крылатого солнечного диска с расходящимися во все стороны лепестками его короны. В широкую дужку был продет плетеный кожаный шнурок, а на обратной стороне раскинул хвост красавец-павлин. Медальон на вид казался очень старым, выполненным из кости с инкрустацией золотыми пластинками. Я поразила мастерству резчика, которому удалось передать каждое перышко птицы, каждый всполох солнечной короны.

– Сережа, я не могу принять такую старинную и ценную вещь! – наконец, торжественно произнесла я, и с неохотой отодвинула от себя коробочку.

– Можешь и примешь! – неожиданно жестко отрезал Жданов. – Не переживай, мне она досталась почти даром.

– Украл в музее? – попыталась пошутить я, но он даже не улыбнулся.

– Хуже. Выменял у одного адыгейца.

– На что же?

– На оружие.

Так. Что скрывает этот ученый орнитолог, который выглядит и ведет себя, как неформал, имеет дорогушие машины, доступ к оружию, к тому же пропадает в непонятных командировках? Опять в голове пронеслась мысль о том, что Жданов просто вешает мне лапшу на уши: поездка на «Фрингилу», обед на «Летучем Голландце» – это все замечательно, но вот связываться с бандитом мне как-то не улыбалось.

– Расслабься, Лиз. Все нормально и законно. Почти все. Был у меня обрез, еще от отца достался, приходилось брать его собой – иногда дольмены располагаются на территории совсем не дружественных народов. И наши военные на постах относятся к этому почти спокойно. Понимают: жить-то хочется! А этот медальон я увидел на груди одного местного; чем он занимался по жизни – не знаю, да и знать не хочу. Я спросил, где это он взял такую вещь – говорит, нашел под каменной пробкой «сырпуна». Я поинтересовался, что он хочет за медальон. Пришлось отдать обрез, черкесский боевой нож и фонарик.

– И ты не побоялся хранить дома оружие и брать его с собой? – удивилась я.

– Нет, я закапывал его в лесу, завернув в промасленную бумагу и уложив в ящик. А с собой брал только в горы, где беспокойно. Так что сейчас я безоружен. Ничего себе, какие

стрелы сыплются из твоих глаз!

– Комплимент не самый лучший способ переменить тему. Я тебе не верю.

– Ну и напрасно. Посмотри, какая ты красивая, прямо богиня охоты! Надень, пожалуйста, медальон, и носи его всегда. Пусть он станет твоим талисманом.

Я послушно надела украшение. Серега повернулся к чернокожему стюарду, чтобы попросить счет, но я успела заметить, как в его глазах сверкнуло торжество победителя.

К дому мы подъехали уже за полночь. Я поблагодарила Серегу за поистине королевский ужин и уже хотела выйти из машины, но он задержал меня.

– Что, Сережа?

– Ты еще с пикника задолжала мне поцелуй, помнишь? – промурлыкал Жданов, перебирая мои волосы. Я засмеялась, а он с неожиданной силой притянул меня к себе и поцеловал так нежно, деликатно, что я сразу утратила волю к сопротивлению и обмякла в его объятиях. Он поглаживал кончиками пальцев мои скулы, подбородок, шею. Это было так невинно и, в то же время, восхитительно!

Спустя минуту, Серега резко оторвался от меня, помог выбраться из машины и проводил до подъезда.

– Завтра в четыре я заеду за тобой. Будь готова! – строго сказал он, сел в автомобиль и уехал.

Я осталась стоять с открытым ртом. Что это было?

Вечером следующего дня мы улетали в Калининград.

«Пулково» меня разочаровал: люди прибывают в красивый город через такие невзрачные ворота, что мне даже стало стыдно за Северную столицу. Впрочем, сам полет прошел неплохо, если не считать попадания в зону турбулентности, в болтанке которой «Боинг» дрожал, как умирающий динозавр.

Я не люблю летать. Тому есть две причины: во-первых, у меня закладывает уши, а, во-вторых, я банально боюсь. В случае катастрофы выжить шансов никаких, и эти нелепые манипуляции стюардесс с надувными жилетами явное тому подтверждение. Кто сможет остаться в живых посреди океана в надувном жилете? Как долго он протянет? Минут десять, пока не окоченеет, или пока его не сожрут акулы? В общем, я с облегчением вздохнула, когда шасси коснулись полосы аэропорта Храброво. Там, на выходе, нас встретил тот самый Коган, Михаил Давыдович, старинный Серегин друг.

Это был невысокий, плотный, небрежно одетый мужчина лет пятидесяти, лицо которого выдавало типично иудейское происхождение. Большие карие глаза с опущенными вниз внешними уголками придавали ему унылое, печальное выражение, а крупный мясистый нос был слегка грубоват для классического палестинского профиля. Очевидно, здесь

проявились какие-то иные гены.

Рот, сокрытый в густой растительности курчавой черной бороды, выдавал добродушное лукавство, а обширный, выпуклый лоб свидетельствовал о недюжинном уме и безмятежности. Как могут сочетаться эти качества и пребывать в гармонии, ведь сказано же: «многие знания – многие печали»? Скорее всего, это следующая, недоступная мне ступень развития, присущая великим ученым, религиозным сподвижникам, монахам. Видимо, они в полной мере осознают справедливость Соломоновой мудрости о том, что «все проходит, пройдет и это». И не переживают вообще ни о чем.

Если бы снимался фильм о царской России, Коган с успехом мог бы сыграть директора гимназии. Во всяком случае, я его видела именно таким – образованным, интеллигентным, спокойным. Он оказался весьма и весьма словоохотлив, особенно если видел живой интерес собеседника к обсуждаемой теме. Тогда он заливался соловьем: сыпал фактами, датами, цитировал классиков, причем на языке оригинала. Впрочем, тут же спохватывался и возвращался к общедоступной речи.

Отнесся Михаил Давыдович к моему появлению в «клубе любителей дольменов», как показалось, неплохо. Но в первый момент, когда мы с Сергеей вышли из здания аэропорта, его реакция была удивительной и необъяснимой. Коган уставился на меня, а его живое, подвижное лицо отразило целую гамму эмоций: удивление, ошеломление, сомнение. Слегка приоткрыв рот, он сорвал с носа очки в грубой роговой опра-

ве, протер их полой собственной рубашки и водрузил обратно, рассматривая меня, как энтомолог редкую бабочку.

– Миша, это – Елизавета Павловна Бирт, орнитолог, моя коллега и хорошая знакомая. Она согласилась сопровождать нас на «Фрингилу», потому что тоже интересуется Камнями Силы, – представил меня Серега.

– Давно ли? – тихо спросил Коган, пожимая мне руку. В его взгляде мне почудились растерянность и сожаление.

– Всего пару недель! – улыбнулась я, – а вы – тот самый Михаил Давыдович, о котором Сережа так много рассказывал.

– Вообще-то, правильно говорить «Давидович», но если вам так удобнее...

Отрекомендовавшись, Коган пригласил нас в машину (старенький «Опель» с перевязанным изолентой боковым зеркалом и клацающей крышкой багажника), отвез в недорогую гостиницу – гостевой дом «Стрелецкий», что в самом центре Калининграда, неподалеку от знаменитых «Королевских ворот». На удивление, мне понравилось абсолютно все: и архитектура этого здания, типичная для восточной Пруссии, и уютный, светлый номер. Я с удовольствием приняла душ, переоделась к ужину и вышла в холл.

Серега уже ждал меня, и мы решили побродить по городу, остановившись где-нибудь перекусить. В Центральном парке, рядом с кирхой Королевы Луизы, мы обнаружили памятник барону Мюнгхаузену, дошли до Канта, осмотрели Ка-

федеральный Собор и погуляли по парку. Отужинать решили в «Якитории»: не являясь поклонницей японской кухни я, все же, получила удовольствие: стильно, уютно, приятно.

За ужином я спросила Серегу, что бы мог означать тот удивительный взгляд Когана. Он расхохотался и воскликнул:

– Видишь, Лиза, какое впечатление ты производишь на мужчин! Признаюсь, не знал, что Миша такой ценитель женской красоты! Вот удивил!

Я ни на секунду ему не поверила. Конечно, я не урод, и цену себе знаю – в иные моменты даже считаю себя очень привлекательной. Но не до такой степени, чтобы пожилые ученые смотрели на меня с раскрытым ртом!

Утром мы выехали в Зеленоградск, где я не утерпела и искупалась в холодных водах Балтики. Далее наш путь лежал по единственной автодороге на Куршскую косу: Зеленоградск – Морское.

Ехали небыстро – очевидно, профессиональное вождение не входило в число достоинств Михаила Давыдовича. Он внезапно перестраивался, даже не думая включать соответствующий поворотник, резко тормозил, швыряя пассажиров носом в приборную доску, пересекал «сплошные»; светофоров для него просто не существовало. Единственное, что спасало Когана от ДТП – это низкая скорость движения: водители успевали среагировать и увернуться. Было страшно-вато, но зато я поняла, для чего были изобретены ремень безопасности, а также страхование жизни и здоровья.

Я вволю налюбовалась окрестностями, и по пути в Морское, и по дороге в Зеленоградск. Мы проезжали среди аккуратных селений с белыми красивыми домиками, крытыми одинаковой терракотовой черепицей и отделанными деревом. Я поразилась чистоте палисадников, ухоженности садов и опрятности надворных построек – нигде не встретила мне ни единая груды хлама. Не увидела я и покосившихся заборов, слепленных из кусков ржавых труб, проволоки, кусков шифера и посеревшего от времени дерева. Кругом – ну прямо пряничные домики Гензеля и Гретель, на крышах которых свили свои гнезда аисты. Во все времена это считалось хорошей приметой: птица не станет растить птенцов в плохом месте.

Потом панорама за окном сменилась: мы проезжали через живой туннель – огромные старые деревья росли так близко от дороги, что их могучие кроны смыкались вверху, закрывая солнце. Мне захотелось выйти из машины и не спеша прогуляться, но просить об этом я не стала – а прислушалась к беседе, которую вели Коган с Серегой.

– ...и когда ты это обнаружил?

– В тот самый день, когда позвонил тебе. Мы встречались с космобиологами на Косе. Я долго бродил с аппаратом по «пьяному» лесу, потом вышел к дюнам. Солнце садилось. Вдруг поймал еле уловимый гул. Его ни с чем не спутаешь. Пошел на звук, и точно: стоит сейд. И как поет! Я не поверил своим глазам, показатели просто зашкаливали! Подо-

шел ближе, долго смотрел, проклинал себе за то, что не взял остальных приборов. Но кто же мог предположить...

– Значит, активизировался. Странно. Время-то неподходящее! Раньше я о таком не слышал...

– То-то и оно.

По дороге, соединяющей Россию с Литвой, мы въехали на косу – полосу земли между водами Балтийского моря и Куршского залива. Предъявив пропуска, мы оказались на территории Национального парка.

Многообразие и красота здешней природы поразили меня: солнечные березовые рощи сменил угрюмый сосновый лес, в который вползали языки песчаных дюн, а за этим всем синели холодные воды моря. Еще около сорока километров пути – и мы в Рыбачьем, где находится орнитологическая станция. Деревянные домики-срубы, огромные сети, вольеры, небритые, небрежно одетые люди а-ля Серега Жданов – все это казалось жутко романтичным и немного смешным.

Нас, как и всех специалистов, прибывших со стороны, расселили за казенный счет в небольшом гостинином доме. Приняв душ и перекусив, мы отправились знакомиться с будущими коллегами и предстоящей работой – к великой радости Сереги, все это заняло немного времени. Приступить к своим обязанностям нам предстояло только с завтрашнего дня, поэтому Коган и Жданов быстро покидали в машину необходимую аппаратуру, и мы поехали в сторону Литвы, на высоту Эфа – комплекс смотровых площадок, с которых

открывается вид на песчаные дюны и Куршский залив.

Сложно описать ощущение, возникшее у меня при взгляде на заброшенное, утонувшее в песке селение, которое угадывалось лишь по сохранившимся кое-где крышам домов и опорам ограждений. словно картинка из фильма «Жизнь после нас»: сначала люди победили Природу, вырубил лес, истребили животных, а потом она отомстила им, похоронив под толщей песка всю цивилизацию. Грустно, страшно, закономерно.

По границам дюн кто-то разложил валежник: он должен был укреплять и удерживать песок. По пути следования туристов был сколочен настил из досок, наступать на песок строжайше запрещалось. Мы сразу же нарушили это правило, потому что надо было пробраться к сейду у самой кромки леса. Коган сказал, что этот мегалит – особенный: за столько лет его не смыло прибрежной волной, не разрушили штормы и ветра, не засыпал песок. Куршская коса, открытая для всех стихий, пощадила его – и это казалось необъяснимым и странным явлением.

Этот поход мне стоил очень дорого. С трудом передвигая ноги, погружаясь почти по колено в мягкий сухой песок, ощущая, как он набивается в кроссовки, носки и въедается в кожу, я утратила интерес к мегалитам, как минимум, наполовину. Жданову, который тащил на спине тяжелый рюкзак с аппаратурой, тоже пришлось несладко, но силы ему придавал дикий, звериный энтузиазм.

Минут через сорок мы были на месте. Среди сосен на земле, усыпанной хвоей, высилось странное сооружение: каменная плита размером с хороший обеденный стол, по ее краям – четыре мелких камня, не больше волейбольного мяча, а на них – огромный вытянутый валун: конструкция выглядела очень необычно и напоминала припавшего к земле огромного динозавра. Я поразилась размеру и весу центрального камня: как строителям удалось водрузить его наверх без подъемного крана? Благодаря «Дискавери» я смутно представляла себе, что у древних людей были разработаны какие-то системы рычагов и блоков, но все же... Это была просто титаническая работа.

Жданов тем временем извлек из рюкзака свой знаменитый фотоаппарат и сделал несколько снимков с разных ракурсов. Коган же занялся настройкой аппаратуры с непонятными аббревиатурами ИГА-1, ДРГ-05М и массой других букв и цифр. Потом началась работа, сопровождавшаяся непонятными репликами:

- Что по ИГА? – спросил Жданов.
- Около 12 метров. Почти как у всех.
- Фон бета?
- У камня – 2,5. Так... на границе – 1,5. Жаль, что мы не попали сюда в полдень. Придется завтра опять ползти через песок.
- Интересно, поменяются ли показатели во время заката?
- Мне жаль тебя разочаровывать, мой друг, но, по-моему,

сейд спит.

– Это я уже и так понял! – на Серегу было жалко смотреть, таким расстроенным он выглядел.

Мы остались у камня ждать заката. Михаил Давыдович, пользуясь этой вынужденной паузой, рассказал мне, чем они только что занимались. С помощью прибора ИГА-1 он измерил границу действия сейда и получил 12 метров в радиусе. Радиоактивный фон изменился в этих пределах с 15 микрорентген до 8 (имелось ввиду гамма – излучение). Бета – активность Коган измерял с помощью дозиметра ДРГ-05М. У самого камня прибор показал 2,5 единицы, а на границе его действия – только 1,5. По его словам, эти показатели были обычными для «спокойного» состояния камня, но во время активизации могли возрасти в десятки раз.

По его теории, именно во время таких неожиданных скачков мегалиты и начинают проявлять свои загадочные свойства, которые необъяснимым образом влияют на оказавшегося рядом человека. Низкочастотные колебания всегда присутствуют рядом с сейдом или дольменом. Их резонирующая частота – 2,8 ГЦ. То есть мегалиты «поют» или гудят именно на этой частоте.

– Жалко, что ты не была при изучении анализов крови людей и животных! – вступил в разговор грустный Серега, – Ее биохимия меняется, и это факт, первое объективное доказательство воздействия камней на живые организмы, которое нам удалось получить.

– А может дольмен или сейд иметь границу в 100 и более метров? – спросила я у Когана, вспоминая историю потерянной невесты Сереги.

– Теоретически, да. Но для этого должна возникнуть очень высокая, небывалая солнечная активность. На практике мне не приходилось встречаться с подобным явлением. Поэтому мы и приехали сюда: когда я звонил Сергею, этот сейд был активен и мог выдать интересные показатели. Но, видимо, мы опоздали.

– Жаль... А мне так хотелось увидеть что-то необъяснимое! – вздохнула я.

– Ну, ничего, не расстраивайтесь, Лизонька! На косе вы обязательно увидите много интересного, например, «танцующий лес».

– Я что-то слышала... это место, где растут кривые деревья? Как в Питере, на месте Сенной площади?

– Наверное. Но лучше один раз увидеть, не так ли? Надеюсь, на Фрингиле вас не завалят работой.

Мы дождались заката, еще раз провели измерения, но показатели не изменились. Коган отнесся к этому обстоятельству с присущим ему философским спокойствием, а расстроенный Серега никак не мог взять себя в руки. Еще раз преодолев дюны, мы притащились к гостиному дому и посвятили остаток вечера очистке вещей от песка. Серега закрылся в своем номере и даже не вышел к ужину – мне пришлось разделить ночную трапезу с Коганом, во время кото-

рой у нас состоялся весьма интересный разговор.

Разумеется, мы говорили о мегалитах. Я расспрашивала, доктор с удовольствием отвечал – и за один этот вечер мой багаж знаний получил существенное пополнение. Я узнала о поселениях куршей и жмуди, о тевтонском ордене и о мифологической великанше Неринге, которая, якобы, и насыпала косу, о разбойнике-язычнике Генрихе фон Кунцене и о черной кошке из трактира Росситтена (так раньше назывался поселок Рыбачий). Мы выпили вина, что послужило только на пользу рассказчику: Коган оказался настоящим Котом-Баюном в человеческом обличье.

Подали десерт. Воспользовавшись паузой в разговоре, Михаил Давыдович перехватил инициативу и, в свою очередь, принялся расспрашивать меня о детстве, юности, страстях и увлечениях, работе в зоопарке и дружбе с Сергеем. Мне показался несколько странным этот интерес к моей непримечательной персоне – временами мне казалось, он хочет меня от чего-то предостеречь, но не решается говорить откровенно, обходясь полунамёками и скомканными фразами. Особенно странной мне показалась следующая реплика:

– Вас не удивило, Лизонька, это внезапное и недюжинное пристрастие, который наш уважаемый Сергей Николаевич проявляет к вам? Безусловно, вы – девушка красивая и умненькая, как мужчину, вы его заинтересовали, я хорошо понимаю. Но этот внезапный вызов на Фрингилу... он стоил Сергею немалых трудов... это вовлечение вас в исследова-

ния... как-то странно, вы не находите? – и он впился в меня пытливым взглядом своих иудейских, абсолютно трезвых глаз.

Мне стало не по себе.

– Михаил Давыдович, вы что-то хотите мне рассказать? – спросила я, подавшись к нему через стол. Коган смутился, отвел взор в вазочку с оплывшим десертом.

– Не более чем УЖЕ сказал. Вы молодые, вам видней... Знаете ли, я в огромном долгу перед Сергеем и обязан блюсти его интересы, как бы мне не было тяжело. Так что, «падающего – толкни...»

Это сейчас я понимаю, что доктора надо было «дожимать» в тот момент, когда он был готов открыться. Это спасло бы меня от многих неприятностей в будущем, но кто же знал?

Разговор перешел на литературную тему: я тоже любила Ницше и сделала Когану комплимент по поводу его великолепной памяти и умения цитировать к случаю. На самом деле Михаил Давыдович представлялся мне эдаким постаревшим Зуи из новеллы Сэлинджера.

– Это не большая заслуга для человека, который когда-то был литературным критиком! – скромно ответил он, а я изумилась: еще и критик!

– Не представляю, как все это можно совмещать и помнить! – восхищенно произнесла я, а Коган засмеялся:

– Тогда вот вам еще одна цитата: «Любой человек должен уметь менять пеленки, планировать вторжения, резать сви-

себя, постаревшего, и понимает, что это был не сон, а сама жизнь, и сходит с ума...

Гипотеза была очень интересной. И вполне себе правдоподобной.

Разошлись мы по номерам за полночь, а уже рано утром я решила прогуляться на пески к заливу. Шла, наслаждаясь предрассветной тишиной, нарушаемой лишь шумом ветра и прибоя, вдыхая полной грудью холодный северный воздух, напоенный терпкими запахами сосен и моря.

Влажный песок, испещренный следами птиц и животных, упруго пружинил под ногами. Я отыскала в нем несколько больших крупинок янтаря и положила в карман, на память. Затем, повинуясь внезапному порыву, разделась догола и погрузилась в ледяную серо-зеленую воду, дрожа от холода и возбуждения: так смело я еще никогда не поступала! Через несколько секунд озноб прошел; я легла на спину, покачиваясь на волнах, и «улетела» куда-то далеко, за облака. Тоже своего рода медитация. Поэтому голос Сереги, внезапно прозвучавший прямо у моего уха, произвел эффект разорвавшейся бомбы:

– Я смотрю, ты тоже любишь купаться по ночам? Значит, еще в одном мы сходимся!

От неожиданности и смущения я мгновенно перевернулась на живот, замолотила по воде руками и даже немного хлебнула солоноватой горечи.

– Тихо, тихо, я тебя не съем! – засмеялся Серега. – Я ду-

мал, что ты меня видела!

– Никого я не видела! А с твоей стороны неприлично вот так подкрадываться к голой женщине!

– Ну, я же не знал, что ты голая, пока ближе не подплыл. И, знаешь, я ничуть не жалею, что сделал это! – засмеялся Жданов.

– Немедленно уходи! То есть, уплывай!

– Хорошо. Тебе тоже пора выходить, уж посинела вся... Я оставлю тебе полотенце! – и широкими, мощными гребками он поплыл к берегу. Когда Серега вышел из воды и стал неторопливо одеваться, я поняла, что для купания он тоже использовал только один костюм – костюм Адама. Это был первый случай в моей жизни, чтобы понравившийся мне мужчина видел меня обнаженной и сам демонстрировал свое тело – да еще и вне постели. Когда он скрылся за кромкой леса, я выскочила на берег и растерлась докрасна махровым Серегиным полотенцем. Тело горело от холода, а щеки – от смущения.

Встретились со Ждановым мы только на станции, когда пришла пора приступать к работе. Правда, его направили в центр по ликвидации птичьего гриппа, а меня – к ловушке.

Такую конструкцию увидишь не каждый день – огромный, длинный «чулок» десятиметровой высоты, постепенно сужающийся и заканчивающийся маленькой камерой. В него залетают разные птицы, которых надо вынуть, классифицировать, взвесить на электронных весах, положив вниз головой

в маленький стаканчик, надеть на лапку кольцо и отпустить. В первый же день работы мне повезло – удалось окольцевать корольковую пеночку – чрезвычайно редко встречающуюся птичку. Затем я помогала одному из сотрудников проводить экскурсию для туристов, который рассказывал им о видах пернатых, обитающих на Куршской косе.

Надо сказать, что работать на станции мне понравилось. Познакомившись поближе с коллегами, я нашла их довольно милыми, общительными и очень компетентными людьми. С Серегой мы виделись реже, чем в зоопарке, несмотря на то, что жили и трудились рядом. Разочаровавшись в сейде, он с головой ушел в решения «птичьих» проблем, связанных с обнаруженным штаммом. Коган же уехал в Калининград, пообещав вернуться в понедельник – мой выходной – и сводить в «танцующий» лес.

Запланированный день оказался солнечным и тихим. Михаил Давыдович явился рано утром, позавтракал с Серегой и уже ждал меня в вестибюле. Мы решили отправиться на прогулку пешком, чтобы, по его словам, «больше увидеть и почувствовать». Выйдя из поселка, мы двинулись по молчаливому и суровому сосняку.

В этом странном месте царили тишина и покой, не нарушаемые ни птичьими трелями, ни шумом ветра в кронах. Сначала нас окружали обычные сосны, но среди них все чаще и чаще стали попадаться искривленные деревья – и вот мы оказались в середине сказочного «танцующего ле-

са». Название вполне себе поэтическое, но первое впечатление, мысль, проскользнувшая в моей голове, была совершенно не о танцах.

Змеи.

На мгновение мне показалось, что деревья вокруг – это полчище гигантских, копошащихся полозов, которые замерли, затаились и прикинулись соснами, чтобы напасть в тот момент, когда забредший сюда человек потеряет бдительность.

В кривых стволах некоторых деревьев угадывались очертания знакомых предметов, другие же казались просто фантастическими фигурами. Спирали, кольца, переплетения раздвоенных веток, знак бесконечности... Посмотреть было на что, но это не вызвало у меня восхищения или детского удивления. В этом лесу мне определенно не нравилось.

Тем не менее, виду я не подавала. Пока мы неспешно брели от одного дерева к следующему, Коган рассказывал мне легенду о Предиславе. На самом деле, кочующая дюна много лет назад засыпала рыбацкий поселок Предин, на месте которого и выросли «танцующие» сосны. Молодая христианка Предислава играла на лире неподалеку. Ее музыку услышал прусский князь Бартий, язычник. Прельстившись красотой девушки, он предложил ей руку и сердце, но музыкантша ответила, что не может стать супругой иноверца. Тогда князь попросил доказательств силы того Бога, в которого она верит. «Докажи, что твой Невидимый Бог сильнее этих дере-

вьев!» – воскликнул он. Тогда Предислава вновь заиграла на своей лире, а сосны закружились в причудливом танце и склонились перед нею.

Легенда, что уж там говорить, и вправду красивая.

– А какова причина искривления этих деревьев на самом деле? – спросила я.

– Существует много версий. Одни считают, что все дело в гусеницах, которые съедают верхушку молодого побега, другие – что верхушечная почка этих сосен очень слабая, поэтому сильные балтийские ветра искривляют ее. Космобиологи, от которых я, кстати, и узнал об активизации сейда, уверены, что где-то здесь имеется энергетический разлом.

Потоки негативной энергии выходят из земных недр, причем они имеют форму не вектора, а спирали; деревья служат ей своеобразными проводниками. Пруссы-язычники считали, что деревья, чей ствол образует полное кольцо, являются воротами в мир духов. Кстати, вы не заметили, Лизонька, как странно работает в этом месте вестибулярный аппарат?

Действительно, я почувствовала некое смутное несоответствие ощущений еще около получаса назад, и только сейчас поняла в чем дело: мы шли под гору, а казалось, что поднимаемся вверх.

– Энергетические потоки могут влиять не только на особенности роста деревьев, но и на поведение насекомых. Муравьи, например, в «плохих» местах образуют «петлю смерти». Видели когда-нибудь? Жуткое зрелище! Целые колонии

начинают двигаться по кругу – получается огромное шевелящееся кольцо или петля. Муравьи ползают по кругу без отдыха, пока не погибнут от голода и жажды. Подобные аномалии встречаются и в других местах – например, на Соловецких островах, в Сибири, даже в Японии... Вы слышали что-нибудь о Дзюкае?

– Нет, ничего. А где это?

– На острове Хонсю у подножия горы Фудзи. Вот местечко, я вам доложу... Если «сон разума рождает чудовищ», то все они, наверное, поселяются именно там. Представьте себе темный, жуткий, трудно проходимый лес с кривыми, раздвоенными, переплетенными меж собой деревьями, чьи стволы покрыты сизым мхом и паутиной, с ледяными и каменными пещерами, с «лианами» из ядовитых, бледных плющей, и лишайниками. Там стоит такая тишина, что он нее закладывает уши. Как вы понимаете, ни птиц, ни животных в этом лесу не найдешь.

Лес этот произрастает на сильнейшей магнитной аномалии. Начиная со времен Средневековья вплоть до девятнадцатого века, бедняки приносили туда членов своих семей, тех, кого не могли прокормить – стариков, инвалидов, маленьких детей – и оставляли их там умирать голодной смертью. Представляете, как это увеличивало негативную энергетику леса! Считается, что души этих несчастных не находят упокоения и продолжают бродить среди деревьев, ищут живых, чтобы отомстить... А сейчас Дзюкай называют «ле-

сом самоубийц», потому что ежегодно полицейские находят там до ста трупов в петлях виселиц, с пустыми баночками из-под таблеток в руках, с перерезанными венами...

– Ой, Михаил Давыдович, какие ужасы вы рассказываете!

– К сожалению, все это правда. У границ леса правительство поместило таблички с призывом одуматься и позвонить психологу. Кстати, гибнут там не только суицидальные личности, но и любопытные адреналинщики, которые забираются в Дзюкай, чтобы пощекотать нервы. Дело в том, что выйти из леса нельзя, это «one way ticket».

– Но почему?

– Потому что там нет ориентиров, звуков, дорожек; заблудиться можно уже в десяти метрах от дороги. Телефон, компас и GPS, как Вы понимаете, не работают. А самое интересное – это утилизация трупов...

– Хватит! У меня уже волосы шевелятся от страха! Давайте вернемся обратно!

– Простите, Лизонька, не хотел Вас пугать... Но вообще, между нами говоря, лучше бы Вы занимались своими птичками...

– Лучше чем...?

– ...чем обзаводиться столь опасным хобби. А вот и аллея! Мы почти дома. Ну что же, я с вами прощаюсь, дорогая моя, передавайте поклон Сергею и... скоро увидимся!

Почему-то мне показалось, что он хотел сказать «будьте осторожны!» – наверное, чересчур близко к сердцу воспри-

няла готические ужасы Дзюкая.

Прошла еще одна неделя. Работа, птицы, туристы, экскурсии... Наступил понедельник – наш выходной день. Жданов пригласил меня на романтическое свидание: организовал пикник на пляже, чему я очень обрадовалась.

К сожалению, день оказался пасмурным и прохладным, словно уже наступила осень: от пронизывающего ветра с моря у меня окоченели руки. Пришлось прятать их в карманы Серегиной кашемировой толстовки, в которую он меня и укутал. Мы выпили коньяка, закусили угрем, а потом долго сидели на берегу, обнявшись – смотрели, как волны разбиваются о камни на тысячи соленых брызг. Жданов шептал мне на ухо какие-то нежности, потом мы упоительно, страстно целовались.

Врать себе было бессмысленно – железные обручи на моем сердце лопались один за другим. Я надолго запомнила этот день: с одной стороны, как яркое эротическое переживание – ожидание и предвкушение события всегда сильнее, чем ощущения от самого события. С другой стороны, я поняла, что окончательно влюбилась в Серегу без памяти, потеряла последнюю возможность критически оценивать ситуацию, анализировать и рассуждать. И, как следствие, пропустила еще один ключ к пониманию происходящего.

– Лиза, верный мой оруженосец, давай закончим здесь и махнем на юг в отпуск! — задумчиво произнес Жданов, глядя, как на фоне полотна сизого, влажного неба мечутся

белые чайки. – Только ты и я. Будем жить в маленьком белом коттедже, есть свежие фрукты, шашлык и рыбу, пить настоящее горское вино, греться на солнце, собирать красивые полированные камни, а по ночам – купаться в теплой воде под звездным небом и заниматься любовью... А еще я хотел бы увидеть ТОТ дольмен! – он поцеловал меня солеными от брызг губами, и мое сердце замерло от переполнявшего его счастья. Вопрос, не высказанный, но почти осязаемый, повис в воздухе, но ответа в тот день я не дождалась – как, впрочем, и в последующие.

Любил ли меня Серега Жданов? Я считаю, что любил. Почему? Очень хочется в это верить.

– А где этот маленький белый коттедж, этот земной рай? – улыбнулась я.

– Представь себе, на нашем родном юге, в районе Геленджика. Один знакомый сдаст нам свой дом... Ведь нам не нужен берег турецкий, правда, моя...?

– Оставляю тебе право решать этот вопрос. Выбирать дом должен мужчина, а делать его обитаемым – женщина.

– Вот умница! Так мы и поступим.

Мы посидели на берегу еще часок, пока окончательно не замерзли и не вернулись в гостиницу, где целомудренно разошлись по своим номерам. Серега не стремился затащить меня в постель, и тогда я усматривала в этом серьезность его намерений.

Довольно долго не происходило вообще ничего, о чем мне стоило бы упомянуть. Работа, одинокие прогулки, нежные свидания со Ждановым, кружение головы и трепет сердца – так продолжалось до тех пор, пока неожиданно, за три дня до окончания нашей командировки, не приехал Алексей Евсеев, третий представитель «дольменного братства».

К слову, мне он совсем не понравился: долговязое, сутулое, субтильное существо с бледно-серой кожей, бесцветными глазками за толстыми линзами очков, длинными и тонкими паучьими ручками и ножками – типичный книжный червь. Говорил он тихо и невнятно, избегая смотреть в глаза собеседнику, во всяком случае, мне.

Когда нас представляли друг другу, этот странный человек, как и Коган в свое время, выразил своей тощей фигурой и малоподвижным, вялым лицом удивление, но отнюдь не восхищение. Другие мужчины, не связанные каким-либо образом с Серегой, реагируют на меня совершенно по-другому: кто-то откровенно любит, кто-то скользнет цепким взглядом, а кто-то просто не замечает – и это нормально, потому что у каждого свой вкус.

Но в рядах «дольменопоклонников» мое появление всегда вызывало только одну реакцию – изумление. Это меня несколько напрягало, как и все, чему невозможно дать объяснение. Он сухо поздоровался, а потом весь вечер делал

вид, что Елизавета Бирт – это пустое место, просто лишний, придвинутый к столу четвертый стул. За ужином он много рассказывал о своей работе, об индийских мифах, курганах и дольменах. Я запомнила немного, потому что весь вечер активно топила свое раздражение в вине. Он что-то говорил о раскопках курганов, разбросанных по равнинам между Днестром и предгорьями Кавказа; о странных находках, где, по его мнению, содержатся зашифрованные знания Вед; о Гандахарве, спасителе, в задачу которого входило поддержание связи между своим народом и миром божественным. Каждый год лучший из добровольцев проходил длительный обряд посвящения, в конце которого его ждала символическая смерть.

Я, на свою беду, открыла рот и сказала, что подобные обряды можно найти у множества древних народов: и у кельтов, и у евреев, и у индейцев. Евсеев смерил меня удивленным взглядом, словно только что обнаружил мое присутствие, и в ответ на эту невинную реплику обрушил на мою голову безмерное количество данных, цифр, имен и событий. Я не смогу воспроизвести и половины всего, но общий смысл передам: не надо смешивать мух и котлеты. Мне осталось только замолчать и прильнуть к Серегиному плечу.

Впоследствии мне постоянно казалось, что Евсеев меня недолюбливает, как и всех женщин вообще, а мое присутствие в их компании его раздражает.

Оказалось, что приехал он не просто так, а с новостями.

Где-то на юге Англии «дикарями» отдыхали его приятели. Блуждая по стране в поисках приключений и достопримечательностей, они на несколько дней остановились в Солсбери и отправились осматривать Стоунхендж. Там, в толпе многочисленных туристов, они познакомились с пожилым англичанином, который сообщил им интересную информацию: якобы мегалитический комплекс Стоунхенджа – это «мертвые» камни, лишённые энергии и силы. Дескать, многовековое паломничество и расхищение древнего памятника по кусочкам нарушило его тайную «работу» – даже синие камни во внутреннем круге, которые испокон веков считались священными у друидов, теперь превратились в обыкновенные булыжники.

Но вот на севере, в Йоркшире, сохранился живой, «поющий» дольмен. Знают о нем немногие, в основном, только местные жители расположенного неподалеку городка. Грибники и школьники-натуралисты не раз слышали его песнь в предрассветной тишине, и скоро, почти через два месяца, 23 сентября – в День Осеннего Равноденствия – дольмен может принести долгожданный сюрприз.

Стоит ли говорить о том, как заблестели Серегины глаза во время этого рассказа? Он жадно выпытывал подробности, спрятав свои дрожащие от возбуждения руки под крышку стола. А мне, как назло, «поплохело»: от духоты, сигаретного смога и изрядного количества выпитого вина разболелась голова, к горлу подступила тошнота, рот наполнился против-

ной кислой слюной. Извинившись, я вышла из-за стола и отправилась на улицу, чтобы проветриться.

За мною следом вышел Коган: как истинный джентльмен, он не захотел оставить даму одну в щекотливой ситуации. Конечно, на его месте должен был быть Серега, но ему сейчас было явно не до меня – азарт вновь охватил все его существо. Михаил Давыдович деликатно взял меня под руку, и мы принялись прогуливаться по проселочной дорожке.

Мне стало лучше.

– О каких это синих камнях говорил Алексей? – поинтересовалась я.

– О тесаных глыбах из крапчатого долерита, которые добывались в Презелийских горах. А это, между прочим, в двухстах двадцати километрах от Стоунхенджа. Они составляют внутренний круг комплекса. Эти камни, входящие в состав рудных и угольных пород, на самом деле имеют голубовато-зеленую окраску, и они намного мягче, чем мегалиты из эйвберийского песчаника, образующие внешний круг. Риолиты и редкие песчаники, по последним данным, родом из Уэллса. Согласно легендам их принес из Ирландии чародей Мерлин. Именно в них многие видят тайную силу постройки.

– А что это за материал – долерит?

– Магматическая порода, похожая на базальт. Я, кстати, совершенно не удивлен, что комплекс «мертв»: во-первых, на протяжении веков камни неоднократно переставлялись

с места на место, во-вторых, некоторых не хватает, а оставшиеся стоят в бетоне во избежание дальнейшего разрушения памятника.

– А раньше Стоунхендж обладал теми же свойствами, что и дольмены?

– Кто знает? Возможно. Или же у него была иная сила. На данный момент доказано, что этот комплекс является точной моделью солнечной системы в поперечном разрезе, согласно которой, на момент возведения комплекса, в ней было не девять, а двенадцать планет.

– Неужели? И куда же они исчезли?

– Две из них находятся за орбитой Плутона, а одна располагалась между орбитой Марса и Юпитера, на месте сегодняшнего пояса астероидов. Возможно, когда-то на планете произошла катастрофа, и от нее остались лишь осколки. А те две нашим астрономам еще предстоит открыть, когда техника достигнет качественно иного уровня развития. Кстати, по представлениям многих древних народов, в том числе и индусов, в солнечной системе действительно было двенадцать планет. Хокенс, английский ученый, доказал, что солсберийский кромлех позволяет с удивительной точностью определять положения Солнца и Луны, прогнозировать приливы и отливы, затмения и дни с повышенной энергетической активностью. Недаром древние говорили о Стоунхендже: «свяжи солнце каменной цепью...»

– А сколько всего камней было использовано при строи-

тельстве?

– Поскольку доказано, что строительство велось в три этапа, и мегалиты переставлялись по нескольку раз, точно сказать не могу. На данный момент считается, что это сооружение состояло из восьмидесяти пяти мегалитов, тридцати каменных блоков и пяти трилитов. В диаметре внешний круг составляет порядка тридцати трех метров. Это было поистине величественное сооружение. Жаль, что мы уже не увидим его в былой красе и славе.

– Все равно, Стоунхендж есть Стоунхендж! Было бы здорово взглянуть на него хоть одним глазком!

– Думаю, вам вскоре представится такая возможность! – добродушно улыбнулся Коган, – или я совершенно не разбираюсь в людях.

Когда мы с Михаилом Давыдовичем вернулись в кафе, Жданов и Евсеев сидели, склонившись голова к голове, над листками бумаги с какими-то расчетами. Оказывается, они уже приняли решение немедленно лететь в Англию и исследовать «поющий» дольмен. А к двадцатым числам сентября – приехать вновь, чтобы сравнить результаты измерений, проведенных в обычный день и в день осеннего равноденствия.

«Какое дорогое хобби – летать туда-сюда!» – подумала я, а вслух спросила:

– Сережа, а как же быть с работой? А паспорта? А визы? Все это займет столько времени... А где взять средства?

– Не волнуйся, дорогая, и не забивай себе голову: денежные проблемы должен решать мужчина. С зоопарком я улажу. Попрошу отпустить нас с тобой в БС, мы это заслужили.

– Чем это?

– Как? А кто с риском для жизни и здоровья столько дней ликвидировал штамм птичьего гриппа на «Фрингиле»? Нам вообще положена надбавка за вредность и дополнительный оплачиваемый отпуск! Загранпаспорта есть у всех, так? – он обвел взглядом нашу компанию, – отлично. Значит, дело только за визами.

– Как у вас со временем? – обратился Серега к мужчинам.

– Я смогу поехать дней на восемь, – отозвался Евсев, – давно мечтал осмотреть Стоунхендж, даже если он уже «мертв».

– А я – в отпуске, вольная птица! – улыбнулся Коган.

– Хорошо. Ты ощущаешь перелетное стремление?

– Еще бы! Старик едет с вами, не сомневайтесь! Хотя перелетов не люблю.

– Ну, извини. Поезда из России в Англию пока не ходят. Значит, давайте поступим так: скоро мы с Лизой закончим свою смену на станции, и можно будет махнуть в Москву. Там я займусь визами – есть у меня один человечек, поможет – а вы организуете сборы и проложите маршрут.

Возражений ни у кого не возникло. В каждой устойчивой группе должен быть лидер и, видимо, в «клубе любителей дольменов» им был Серега. Коган – это своего рода «серый»

кардинал: сидит себе, помалкивает, улыбается в бороду... А Евсеев... пока я не поняла, что он из себя представляет.

Через три дня мы попрощались с «Фрингилой» и ее славным коллективом орнитологов – отметив окончание удачной работы бурной пирушкой, мы уехали в Калининград, а оттуда вылетели в Москву. Остановившись в недорогой гостинице рядом со станцией метро «Комсомольское», мы занялись подготовкой к отъезду.

Коган принялся тестировать аппаратуру, Серега поехал оформлять документы, а Алексей начал составлять маршрут путешествия. Без дела осталась только я – целыми днями гуляла по улицам, осматривая достопримечательности и посещая музеи. В Третьяковке – живопись, что ни говори, величайшее искусство – больше всего меня впечатлили залы Верещагина, Брюллова и Врубеля. Такие разные, но удивительные таланты! Занесло меня и в Музей искусств имени Пушкина, я долго бродила по полупустым залам, спиной ощущая колючие взгляды огромных ассирийских грифонов – но, скажу честно, особого интереса не испытала. Наверное, если бы меня сопровождал Коган, то смог бы многое рассказать такой невежде, как я.

Визовый вопрос решился за какие-то три-четыре дня: я почти не удивилась, уже уверовав в Серегоино могущество. Администрация зоопарка также легко предоставила нам отпуск без содержания: к этому времени билеты на рейс «Москва – Лондон» были уже у нас в кармане: мы были го-

товы вылететь рано утром.

«Клуб любителей дольменов» постановил первым делом осмотреть Стоунхендж, а затем отправиться на Север, в Йоркшир, чтобы найти «поющий» дольмен. Проблема была в том, что никто не знал его точное местонахождение. приятели Алексея не посчитали нужным это выяснить. Было известно лишь то, что он находится в лесу рядом с местечками Сильвербрук и Хашвуд, в районе города Олдбриджа.

Все эти дни Жданов пребывал в эйфории – он был уверен в том, что нам, наконец, повезет. Коган был настроен более скептически, вернее, философски смотрел на вещи. Вечером перед отъездом он предложил составить мне компанию и прогуляться вместе по набережной Москвы-реки.

С экологией, конечно, у столицы большие проблемы. В душном, липком воздухе, состоящем из углекислого газа, выхлопов отработанного топлива и миазмов, поднимающихся от речной воды, я почувствовала себя выброшенным на берег дельфином. Тем не менее, я твердо решила получить удовольствие от прогулки и остановить меня ничего уже не могло.

Мы неторопливо шли и беседовали – и опять-таки, о дольменах. Коган рассказал мне еще одну из гипотез предназначения этих странных сооружений, а также менгиров и сейдов.

– Видите ли, Лизонька, подобные каменные стелы были распространены не только во всей Европе, но и во всем ми-

ре. Помимо тайного предназначения, которое мы и пытаемся разгадать, они символизировали собой главенствующее в природе мужское начало. Я читал, что даже крестьяне в гораздо более поздний период ставили менгиры посреди своих полей, надеясь, что священное изображение мужского полового органа принесет богатый урожай. Женщины подносили камням дар – чаще всего, овощи или фрукты – и молили о ниспослании им ребенка. А дольмены, наоборот, представляли собой женское половое начало. Некоторые исследователи предполагают, что рядом с ними свершались магические ритуалы, связанные с половым актом. Отверстие в дольменах предназначалось для попадания внутрь солнечных лучей, символизирующих мужской половой орган.

– Именно поэтому дольмены и обращены фасадом к солнцу?

– Кто знает... Я убежден, что многие обряды, ритуалы и легенды были созданы древними только для того, чтобы скрыть правду, чтобы никто не проник в их тщательно оберегаемые тайны.

Коган высказал удивление по поводу того, что наш английский мегалит, судя по всему, проявил активность в такое неподходящее время:

– Видимо, все дело в солнце. Когда повышается его активность вне установленных, известных человечеству, ритмов, жди любого сюрприза. Например, уровень радиации вокруг дольмена может подняться до отметки, опасной для жизни;

«песнь» мегалита способна зазвучать на частотах, разрушающих биоритмы человека, и привести к возникновению тяжелых заболеваний. Да мало ли, что еще может случиться...

– А какие ритмы солнечной активности точно установлены? – спросила я.

– Если брать глобально, то это период в одиннадцать лет. Уже научно доказана синхронизация максимумов активности солнца с периодами пандемий и стихийных катаклизмов – таких, как пожары, землетрясения, небывалые разливы рек и озер, а также с небывалым размножением отдельных биологических организмов. Почитайте свидетельства средневековых авторов: вы увидите, что вспышки чумы, проказы, туберкулеза, волны катаклизмов, нашествия саранчи, сжиравшей урожаи на корню, приходятся на каждые одиннадцать лет. Максимумы солнечной активности также совпадают с возникновением революций, войн, массовых волнений. Отсюда можно сделать вывод, что она непосредственно влияет и на отдельного человека, и на социум в целом.

– Михаил Давыдович, а что это такое – солнечная активность? От чего она зависит? Понимаю, что задаю дилетантские вопросы, но очень не хочется так и оставаться в своем невежестве, – улыбнулась я.

– О чем вы, Лизонька! Знать все, к сожалению, невозможно. Я вот, например, ничего не смыслю в ваших птичках, но если возникнет необходимость, не постесняюсь обратиться

ся к вам или Сергею за консультацией, – он улыбнулся. – Вы спрашивали, что мы называем солнечной активностью... Дело в том, что одни части солнца все время перемещаются относительно других. В таких системах постоянно генерируются мощные магнитные поля, которые взаимодействуют друг с другом, и вызывают эту самую активность. Когда солнечные магнитные поля входят во взаимодействие с земными, мы получаем магнитные бури – ту самую активность. Именно магнитные поля, а не само Солнце воздействуют на биологические организмы и технические системы Земли. Поэтому я и говорю: если дольмен ожил, то без Солнца здесь не обошлось. А значит, надо быть готовыми ко всему.

Я немного помолчала, а потом решила задать вопрос, который втайне волновал нас всех:

– Михаил Давыдович, вы считаете, что в таком состоянии мегалит может открыть портал?

– Хм... не исключаю такой вероятности. Что мы знаем о коридорах времени...

– А что мы знаем? Я, например, совсем ничего!

– И я немного, на уровне домыслов и бабушкиных сказок.

– Пожалуйста, Михаил Давыдович, расскажите мне все, что знаете сами! – воскликнула я, сжимая его руку. Как и в каждой женщине, во мне проснулась любопытная обезьяна.

– Бог с вами, Лизонька, вы еще, чего доброго, станете кому-нибудь пересказывать этот фольклор и ссылаться на ме-

ня как на источник. Позору не оберешься на старости лет!

– Нет-нет, честное слово! Расскажите! – умоляла я профессора, как капризная девчонка.

– Что же, как вам будет угодно. Извольте. Но еще раз предупреждаю: все это слухи, предположения, догадки, под которыми, возможно, нет реальных оснований.

Есть гипотеза, что слегка выгнутые зеркала, преломляющие лучи солнца, замедляют ход времени: оказавшийся между ними живой объект может долго сохранять молодость, так как все биологические процессы его организма будут замедлены. Кстати, о чем-то подобном догадывались и египетские жрецы: они предписывали фараонам в солнечное время суток держать в руках полированные металлические цилиндры. Еще, вроде бы, Иоанн Богослов получил откровение о свойствах выгнутых зеркал, которое и передал потомкам в притче. Я ее, к сожалению, не читал.

Академик Козырев (одиозная личность, про которую многие слышали, но мало кто видел) якобы сделал зеркало, которое изменяет ход времени. Он считал время некой конкретной энергией, пружиной, способной или концентрироваться – тогда время «сжимается», или распространяться – тогда время «растягивается».

В начале 1990-х годов прибор под названием «зеркало Козырева» использовался в опытах, проводившихся в Институте экспериментальной медицины под руководством академика Казначеева – испытуемые начинали ощущать себя

участниками давних, канувших в лету, событий. Правда, неизвестно, переносились ли испытываемые в прошлое, или это его хроника транслировалась к нам в настоящее... Есть свидетельства, что многие люди, участвовавшие в эксперименте, ощутили в себе суицидальные наклонности, и часть из них покончила жизнь самоубийством – видимо, в открывшиеся порталы уносится человеческая энергия и воля, как и в лесу Дзюкай.

Вогнутые полированные чаши использовались жрецами многих народов для предсказаний и вызова духов предков – например, широко известное «зеркало Соломона». Если отринуть мистику и подумать об этом с научной точки зрения, возможно, древние умели открывать мини-порталы и видели иные миры или другое время.

Существуют предания, как о зеркалах естественного происхождения, так и о рукотворных образцах, сделанных древними посвященными. Лично у меня вызывает определенное доверие история об экспедиции на Тибет, во время которой ее участники поднялись высоко в горы и там, видимо, наткнулись на подобное естественное зеркало, но оказались с другой его стороны, ужимающей время, либо нашли открытый портал. Во всяком случае, вернулись они глубокими стариками и вскоре умерли.

– Михаил Давыдович, но причем же здесь дольмены? – удивленно спросила я. Конечно, его рассказ меня очень за-

интересовал, но никакой привязки к текущим событиям я в нем не нашла.

– Лиза, если бы я знал, причем здесь дольмены, то мы не летели бы завтра в Англию. Мы как раз и пытаемся обнаружить ответы, взаимосвязи, зависимости. Если и мегалиты, и зеркала способны открывать порталы, то какими общими физическими свойствами они обладают? Способны ли они к взаимодействию? А может быть, к примеру, зеркала – это машины времени, а дольмены – проходы в другие пространственные измерения, или наоборот... Вопросов здесь гораздо больше, чем ответов. Это и интересно, не так ли? Можно строить различные гипотезы (тренировать мозг), и искать для них подтверждения или опровержения.

«Итак, Коган хочет тренировать мозг. Евсеев мечтает об открытиях и славе великого ученого. Я рассчитываю заполучить Жданова. А каков истинный мотив Сереги?» – пронеслось у меня в голове. Действительно, что это за дорогостоящее хобби, ради которого люди, далеко не последние в определенных кругах, носятся по свету, тратят уйму денег и сил... Жаль, что не было времени и возможности задуматься об этом более серьезно.

* * *

Утром мы вылетели в Лондон. Не стану утомлять детальным описанием – все прошло неплохо, разве что нашему

самолету не сразу дали посадку: покружив прямо над центром города, мы смогли рассмотреть интересные архитектурные сооружения и памятники с такого необычного ракурса. Оглушенные мощью и великолепием аэропорта Хитроу, мы спустились в метро. Я давно мечтала прокатиться на фирменном бело-красном поезде лондонской подземки, но и не думала, что подобная возможность представится мне так скоро.

Добравшись до железнодорожного вокзала Ватерлоо, мы купили билеты в Солсбери. Этот городок располагается всего в 150 километрах от Лондона – спустя полтора часа разглядывания проплывающего за окнами английского пейзажа, мы уже были там. Серега забронировал два номера в отеле «Residence Inn Salisbury».

Это как раз тот случай, когда описание не даст особенной информации – все на уровне ощущений. В архитектуре и внутреннем убранстве не было ничего, бросающегося в глаза, однако колорит страны незримо присутствовал во всем: в камине, выложенном грубо отесанным камнем, в респектабельных стульях с высокими спинками, обитыми зеленым сукном, в добротных платяных и книжных шкафах темного дерева... Казалось, что сейчас откроется дверь, войдет мисс Марпл и займет свое кресло в укромном уголке фойе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.